

М. И. АРТАМОНОВ

САРКЕЛ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ УКРЕПЛЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ХАЗАРИИ

В описаниях Хазарии у арабских географов повторяются наименования целого ряда городов: Итиль, Семендер, Беленджер, Беганд, Кайшва, Хамлидж, Бейда (Ал-Мукадаси) и др. Однако местоположение большинства из них совершенно неизвестно. Объясняется это, конечно, не особыми трудностями разыскания хазарских городов, а тем, что поиски их велись только кабинетным путем, а в поле не производились. До сих пор поэтому мы не знаем действительного местоположения и остатков древнейшей столицы хазар — Семендера и должны судить о ней лишь по кратким описаниям арабских географов, изображающих этот город в виде очень большого поселения, состоящего из деревянных, крытых камышом домов и хижин и окруженного садами и виноградниками. Находился Семендер где-то в северном Дагестане, на границе со степью, причем наименование «Беленджер», точнее «Болгар», было, повидимому, вторым его именем, а вместе с тем названием страны, в которой он находился, и народа, которому принадлежал.¹ Не больше нам известно и о другой, позднейшей столице Хазарского каганата — Итиле, находившейся при устье р. Волги и состоявшей из нескольких частей или городов со своими названиями, которые иногда фигурируют в общем значении, заменяя название Итиль. Хазарский царь Иосиф в своем письме к испанскому сановнику еврею Ибн-Шафруте следующим образом описывает свою столицу: «я живу у этой реки [Итиль — Волга]... у меня есть в моем царстве три города. В одном живет царица со своими прислужниками и евреями. Длина и ширина его с пригородами и примыкающими к нему деревнями составляет 50 на 50 фарсахов и живут в нем иудеи, исмаилитяне и христиане; проживают в нем также и другие народы из других племен. Второй город со своими пригородами занимает в длину и ширину 8 на 8 фарсахов. В третьем городе живу я со своими князьями, рабами и всеми приближенными служителями. Он невелик и занимает в длину и ширину 3 на 3 фарсаха. Между стенами тянется (в ту и другую сторону) река». ² Это описание Итиля подтверждается и несколько дополняется сведениями о нем у арабских писателей. Так, Масуди говорит, что Итиль построен на двух берегах реки, посреди которой находится остров, а на нем дворец царя, причем остров соединен с одним из берегов реки мостом. ³ Другие арабские писатели отмечают только две части города, а именно находящуюся на западном берегу реки, где живут царь и его вельможи, и восточную, занятую купцами. ⁴

¹ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз, 1936, стр. 90 сл.

² П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. АН СССР, 1932, стр. 84—85.

³ Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXVIII, стр. 43.

⁴ Д. Хвольсон. Известия Ибн-Диста. СПб., 1869, стр. 59.

По словам Ал-Мукаддаси, Итиль был большой город, но с разбросанными строениями. Жилища в виде палаток были выстроены из дерева и войлока, за исключением немногих зданий, сооруженных из глины. Только замок правителя был возведен из обожженного кирпича. Город был обнесен стеной с четырьмя воротами, одни из них были обращены к реке, другие — к сухой, бесплодной степи.¹

Впредь до специальных исследований на месте мы не можем дополнить и уточнить эту общую картину хазарской столицы. Отметим только, что западная часть ее называлась Сарашен или, по чтению Маркварта, Сарыгшар — желтый город, что соответствует другому названию Бейда — белый, так как сары на турецких диалектах значит и «белый».² Восточная торговая часть города по Ибн-Хаукалю называлась Хазеран. Одним из названий Итиля был, повидимому, и Хамлидж, так как Ибн-Хордадбег этим именем называет столицу хазар на Волге.³ По Ибн-Русте, наименование Хабнела, с которым Н. А. Караулов отождествляет Хамлидж, носил город, находившийся рядом с Сарашеном.⁴ Это, действительно, одно из имен восточной половины Итиля или же той особой его части на острове, где находился замок кагана. По Хвольсону, вместо Хабнела надо читать Хан-балык, т. е. ханский город,⁵ что, по мнению Маркварта и Вестберга, совершенно невероятно.⁶

У позднейших арабских писателей появляются новые наименования для обозначения того же города, который ранее в целом именовался Итилем. Вестберг убедительно доказал, что Саксин, который Хвольсон искал на р. Урале,⁷ находился там же, где и Итиль, что это другое название того же города. К нему же, точнее к разным его частям, относятся названия Бузкенд и Йдшкенд, упомянутые у Ахмета Тусского. «Город Саксин, — заключает Вестберг, — тождествен с Итилем, столицей хазар, а саксины покрывают хазар». Два других названия частей этого города он производит от имен рукавов Волги: Пузан или Бузан, откуда Бузкенд, и В(а)ршан или Удшан, откуда Йдшкенд.⁸ Эти названия волжских притоков упомянуты в письме кагана Иосифа.⁹ В связи с этими отождествлениями Вестберг полагает, что Итиль находился приблизительно в 10 верстах выше Астрахани на так называемом Шареном бугре, самое название которого ему кажется происходящим от слова s-h-r — город.¹⁰

Как известно, в местности Шареные бугры неоднократно производились археологические исследования, но ничего указывающего на существование здесь поселения еще в хазарскую эпоху не было обнаружено. Может быть, это обстоятельство следует объяснить неумением отличать предметы хазарского времени от остатков татарской эпохи. Во всяком случае, не может быть, чтобы следы обширной хазарской столицы совершенно не сохранились. Они до сих пор не найдены только потому, что их надлежащим образом не искали.

Нельзя не отметить, что поиски хазарских памятников затрудняются тем, что мы до сих пор не знаем их признаков. Даже по случайным находкам пока что не определен тот комплекс вещественных остатков, который

¹ Н. А. Караулов, ук. соч., стр. 4.

² J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 1 сл.

³ Н. А. Караулов, ук. соч., СМОМПК, XXXII, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 45. — Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 17.

⁵ Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 61.

⁶ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898, стр. 90. — Ф. Вестберг. К анализу восточных источников. ЖМНП, 1908, март, стр. 14.

⁷ Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 63—67.

⁸ Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 37, 41.

⁹ П. К. Коковцов, ук. соч., стр. 86, 102—103.

¹⁰ Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 39.

может принадлежать хазарам, а предметы, относящиеся к эпохе Хазарского царства, полностью относят к другим народам, существовавшим вместе с хазарами или на ряду с ними или даже в составе их государства. Для примера укажу на памятники так называемого салтовско-маяцкого типа, относящиеся, без сомнения, ко времени существования Хазарского царства, находящиеся на территории, по всем данным подвластной хазарам, и, тем не менее, отнесенные большинством исследователей не к хазарам, а к аламам-ясам или осетинам, в виду сходства с ними памятников центральной части Северного Кавказа, частично и ныне занятой осетинами. В результате Хазарское царство, представлявшее, безусловно, важнейшее явление в политической и культурной истории нашей страны, в виду недостаточности письменных источников и отсутствия связывающихся с хазарами вещественных памятников, продолжает оставаться мало изученным и недооцененным в своем историческом значении. С этой точки зрения остатки города Саркела, единственного пока из хазарских городов известного нам не только по названию, представляют исключительный интерес как памятник, безусловно, хазарской принадлежности.

Название города «Саркел» вовсе не встречается в сообщениях арабских географов; оно известно по упоминанию в письме хазарского царя Иосифа.¹ а в особенности по рассказу византийского императора Константина Багрянородного. Последний в своем сочинении «О народах» пишет: «С низовьев реки Дуная насупротив Дистры начинается Печенегия, и область их поселения простирается до хазарской крепости Саркела, в которой сидят ежегодно сменяемые воинские отряды в триста человек. Название „Саркел“ объясняется у них (у хазар), как „белый дом“. Он был построен спафарокандидатом Петроною, по прозванию Каматир, когда хазары попросили императора Феофила построить им эту крепость, ибо каган и бек Хазарии, отправив послов к царю Феофилу, попросили построить им крепость Саркел. Царь, согласившись на их просьбу, послал им вышеназванного спафарокандидата Петрону с судами царского флота и суда катапана пафлагонского. И вот Петрона, прибыв в Херсон, нашел там суда и, посадив людей на транспортные суда, отправился к тому месту р. Танаида, где намерен был строить крепость. Так как на месте не было камня, годного для постройки, то он, устроив печи и обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения, причем известь вырабатывал из мелких речных голышей... Так состоялась постройка крепости Саркела».²

Из этого рассказа следует, что для построения крепости на Дону — Саркела — хазары обратились за содействием к своей союзнице Византии и что крепость эта была выстроена под руководством византийского всеначальника — спафарокандидата Петроны Каматира — из обожженного кирпича.

Время построения Саркела у Константина Багрянородного определяется указанием на императора Феофила, удовлетворившего просьбу хазар о построении им крепости. Он царствовал с 829 по 842 г. У Кедрина рассказ об этом событии помещен под 834 г., а у продолжателя Феофана — перед сообщением о походе Феофила против сарацин, время которого определяется 837 г., что в известной мере подкрепляет дату Кедрина. Хотя оба последних автора заимствовали свои сведения о построении Саркела у Константина Багрянородного, который года миссии Петроны не указывает, у нас нет оснований заподозрить точность хронологического приурочения у первого и правильность в передаче последовательности событий у второго. Соображения, посредством которых Ф. И. Успенский пытался обосновать перенесение даты сооружения Саркела с IX на X в., не выдерживают критики.

¹ П. К. Кокковцов, ук. соч., стр. 102.

² Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 20 — О фемлах и о народах, пер. Ласкина, М., 1899 стр. 149, 150.

По мнению этого историка, византийцы не могли строить крепостей для варваров, так как они это искусство тщательно сберегали для себя. Поэтому если Саркел был действительно сооружен византийскими инженерами, то не для хазар, а для Византии, для защиты ее владений в Крыму, для связи с ее союзниками против хазар — аланами — и для закрепления ее власти на нижнем Дону. Петрону Каматира Ф. И. Успенский отождествляет с инженером Петроной, известным по рассказу Иоанна Комениата о защите Солуни от арабов в 904 г. К тому же году он относит экспедицию этого Петроны на Дон для построения Саркела, полагая, что это была та самая экспедиция, которая по указанию Николая Мистика имела целью создать угрозу для печенегов, союзников болгар, воевавших с Византией.

Не ограничиваясь этими более чем сомнительными допущениями, Ф. И. Успенский приписывает Петроне авторство сохранившихся в отрывках путевых записок, известных под наименованием «Записки готского топарха», приурочивая их содержание к тому же 904 г. Этот год, по его мнению, совершенно точно определяется на основании астрономических вычислений, произведенных по содержащемуся в записках описанию прохождения Сатурна через созвездие Водолея. Упомянутые в записках Климаты оказываются не в Крыму, а на Дону, а царствующий на север от Дуная — царем болгарским Симеоном.¹

Чересчур тонкое построение Ф. И. Успенского получило саркастическую оценку со стороны В. Г. Васильевского² и не было принято в науке. Тем не менее пройти мимо него невозможно, так как некоторое влияние на суждение о Саркеле оно все же оказало, отразившись, в частности, на оценках хронологии вещественных памятников, происходящих из Цимлянского левобережного городища.

С точки зрения Ф. И. Успенского, построение Саркела следует относить не к 834 г., а к самому началу X в. — к 904 г., т. е. не к царствованию Феофила, а ко времени Льва VI Философа, несмотря на то, что в рассказе Константина Багрянородного дважды упомянут именно Феофил. Это последнее обстоятельство Ф. И. Успенский очень неловко отводит предположением, что «феофилос» здесь не собственное имя, а только эпитет «любимый богом», который будто бы прилагался к византийским императорам и мог заменять их собственные имена.

Важнейшим основанием для домыслов Ф. И. Успенского является мнимое противоречие у Константина Багрянородного между рассказом о построении Саркела для хазар и упоминанием этой крепости в другом месте (в 11-й главе) на ряду с несомненными византийскими владениями. У Константина Багрянородного действительно сказано, что аланы могут препятствовать движению хазар к Саркелу, Климатам и Херсону. Непосредственно вслед за этим Константин Багрянородный добавляет, что при дружеском содействии алан Херсон и Климаты могут не бояться хазарских нападений.³

Совершенно ясно, что упоминание Саркела перед этим отнюдь не означает принадлежности его к составу византийских владений. Он указан здесь только для определения пути хазар, который может быть перерезан аланами. Основываясь на этом указании, Саркел следует рассматривать не как византийскую крепость, а в качестве важнейшего опорного пункта хазар при их военных действиях против крымских Климатов и Херсонеса.

Ф. И. Успенский. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв. Киевская старина, 1889, май — июнь, стр. 253 сл.

² В. Г. Васильевский. О построении крепости Саркел. ЖМНП, 1889, октябрь, стр. 273 сл.

³ Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 11.

Но если это так, то участие Византии в построении этой крепости более чем странно.

Однако странным участие Византии в сооружении Саркела кажется только на первый взгляд. Из советов Константина Багрянородного своему сыну, предусматривающих возможность войны с хазарами, отнюдь не следует заключать о враждебных отношениях между Хазарией и Византией. Наоборот, до X в. Византия поддерживала дружеские, союзные отношения с Хазарским каганатом. Византия была заинтересована в военном могуществе Хазарии как союзницы против общего врага — арабов, с одной стороны, и как в надежном оплоте против кочевых племен евразийских степей — с другой. В IX в. дружеские связи Византии с Хазарией были особенно крепки. В конце этого столетия хазары выступили на стороне Византии в борьбе с болгарами, которые тщетно пытались поднять против хазар венгров.

Повидимому, еще задолго до IX в. власть хазар распространилась не только на приднепровские степи, но и на прилегающие к ним с севера области, занятые славянскими племенами. В связи с опасностью, возникшей для этих северо-западных владений Хазарского царства, повидимому, и явилась необходимость в построении Саркела как опорного пункта на главном пути из Хазарии на запад. С этой точки зрения участие Византии в застройке хазарской крепости вполне понятно, так как контроль дружественной Хазарии над беспокойными племенами Причерноморья был выгоден для Византии, ибо он обеспечивал безопасность границ самой империи.

Во время Константина Багрянородного степи к западу от Дона были заняты сильными и многочисленными племенами печенегов, на границе с которыми Саркел оказался настолько кстати, что Кедрин самое построение Саркела объясняет необходимостью защиты от печенежских набегов.

Вопреки этому указанию обычно полагают, что Саркел был выстроен раньше появления печенегов в северном Причерноморье, тогда когда хозяевами степей были не они, а венгры-мадьяры. Время и обстоятельства поселения венгров в причерноморских степях неизвестны. Из своего прежнего местожительства к востоку от Волги мадьяры, повидимому, были вытеснены печенегами, которые и в дальнейшем продолжали теснить их на Запад. Время вторжения печенегов в причерноморские степи также точно не известно. Константин Багрянородный говорит о 50—55-х годах их пребывания в стране, занятой ранее мадьярами, но имеет в виду последнее местопребывание мадьяр в Причерноморье перед выселением их в нынешнюю Венгрию в самом конце IX в.¹ По словам этого писателя, печенеги напали в первый раз на мадьяр в Лебедии, где последние прожили вместе с хазарами всего три года. Мадьяры бежали на правый берег Днепра в Ателькузу.

Для вопроса о времени появления печенегов в Причерноморье и переселения мадьяр в Ателькузу имеет значение сообщение византийских хроник об участии последних в делах Дунайской Болгарии во второй четверти IX в. У Георгия Амартола и некоторых других византийских авторов имеется рассказ о том, как македонские пленные, захваченные болгарами в 813 г. в Адрианопле в количестве 12 000 человек и поселенные ими на северной стороне Дуная, возмутились с целью вернуться на родину на судах, присланных за ними из Византии. Болгары, пытавшиеся им воспрепятствовать, были отбиты и, не имея возможности переправиться на северный берег Дуная к восставшим, обратились за помощью в обуздании непокорных к уграм (мадьярам), которые и напали на македонских греков. С своей сто-

¹ Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 15.

роны греки обратили и их в бегство и благополучно вернулись на родину. Весь этот рассказ приводится летописцами потому, что он имеет отношение к византийскому императору Василию Македонянину, который был в болгарском плену вместе со своими родителями и вернулся оттуда при императоре Феофиле (829—842) 25-летним молодым человеком. Хотя точная дата возвращения македонян из болгарского плена неизвестна, приблизительно время этого события определяется 30-ми годами IX в. В это время мадьяры жили поблизости от Дуная, т. е., очевидно, находились уже в стране Ателькузу. Следовательно, изгнание их из Лебедии и появление там печенегов надо относить к еще более раннему времени, по меньшей мере к началу 30-х годов того же века.

Если это так, то построение Саркела в 835 г скорее всего следует связывать с борьбой хазар не с мадьярами, а с печенегами. Впрочем и появление мадьяр по соседству с хазарами в Лебедии было немногим древнее вторжения сюда печенегов. По данным Константина Багрянородного, мадьяры прожили вместе с хазарами, т. е. в Лебедии, всего 3 года. Если это так, то поселение здесь мадьяр произошло не раньше конца 20-х годов IX в. Из сообщения того же автора известно, что хазары и мадьяры находились в дружественных отношениях; мадьяры были союзниками хазар, что также может служить доводом в пользу предположения, что Саркел был построен не против мадьяр, а против печенегов.

По сообщению Ибн-Русте, хазары, опасаясь мадьяров, окапывались против них рвами, ¹ т. е. строили для защиты от них укрепления. Однако это сообщение находится в противоречии с другими сведениями о взаимоотношениях мадьяр и хазар.

Как бы то ни было, вероятнее всего предположить, что Саркел был построен против появившихся в причерноморских степях кочевников, одинаково опасных как для хазар, так и для Византии, почему Византия и не отказала своим союзникам-хазарам в помощи при сооружении опорной крепости для борьбы с общим врагом.

О местоположении Саркела высказывались различные предположения. Одни хотели его искать в месте наибольшего сближения Дона с Волгой, возле ст. Качалинской (Карамзин), другие помещали его на месте г. Черкаска (Лерберг), третьи даже не на Дону, а на берегу Азовского моря, на месте г. Мариуполя на Белосарайской косе (Брун) и т. д. ²

Истинное местоположение этой хазарской крепости впервые было не только указано, но и доказано в работе Х. И. Попова. ³ Она помещалась на левом берегу Дона вблизи станицы Цимлянской у хутора Попова, где доныне сохранились ее остатки в виде значительного городища с признаками, полностью соответствующими описанию Саркела у Константина Багрянородного.

Произведенные здесь В. И. Сизовым и Н. И. Веселовским раскопки, ⁴ а в особенности случайные находки в процессе добывания из городища местными жителями строительного материала, доставили значительное количество вещей, которые дали повод определить этот пункт в качестве русского города XI в. и тем самым вновь возбудили сомнения в тождестве его с Саркелом или же в дате построения крепости в IX в.

С целью окончательного разрешения этих сомнений, с одной стороны, а с другой — в порядке обследования древних поселений на Дону, ГАИМК

¹ Д. Хвольсон, ук. соч., стр. 27.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. 1935, стр. 81, прим. 4.

³ Х. И. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел? Тр. IX АС, т. I, стр. 271.

⁴ В. И. Сизов. Раскопки в двух городищах близ Цимлянской ст. Тр. VI АС, т. IV. — ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXXVII.

в 1927—1929 г. были произведены разведочные работы, в результате которых принадлежность левобережного Цимлянского городища Саркелу подтвердилась.¹ В 1934 г. были начаты систематические раскопки этого городища. За три года работ накопился большой материал, позволяющий составить об этом памятнике довольно отчетливое представление как в отношении его первоначального вида, так и его истории.

Саркелское городище, как мы будем называть левобережное Цимлянское городище, находится на левом берегу Дона возле хутора Попова,

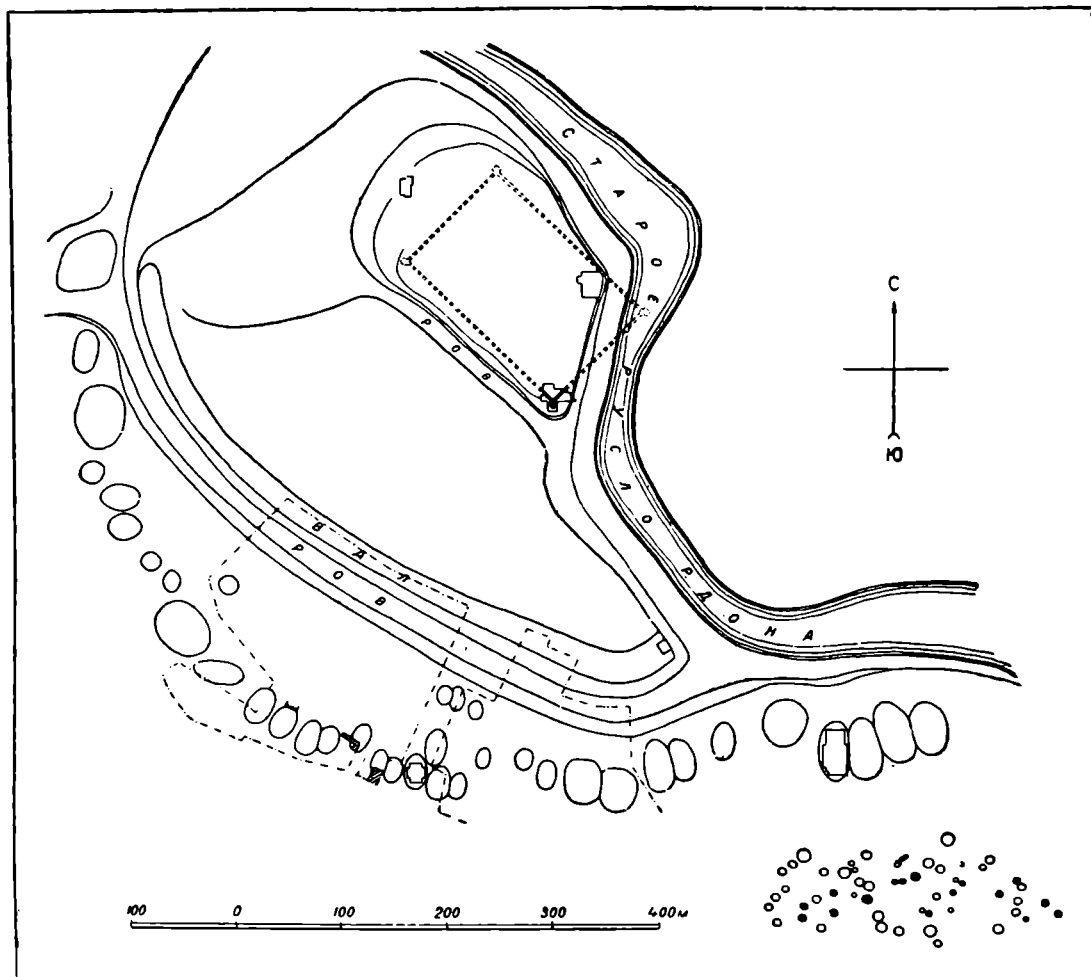

Рис. 1. План Саркелского городища и могильника.

ныне в Романовском районе Ростовской на Дону области. Оно расположено на невысоком коренном берегу речной долины, не менее чем в 4 км от современного русла реки. Однако в древности русло реки находилось возле самого городища и омывало берег, на котором оно было расположено (рис. 1). От древнего русла Дона здесь сохранились следы в виде ряда небольших озер и ложбин, покрытых зарослями камыша, — куги. Та часть берега, где была устроена крепость, представляет широкий мыс, образованный изгибом реки. Этот мыс от остальной площади берега отрезан широким и глубоким рвом, в котором и теперь долго держатся весенние воды, и расплывшимся валом, в юго-восточной части деформированным позднейшим использованием для погребений (рис. 2 и 3). Площадь городища, огражденная рвом и валом, занимает не менее 18 га, но, судя по распространению куль-

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, 1935.

турного слоя, она была заселена далеко не полностью (рис. 1). Остатки построек и вообще следы жизни людей, отложившиеся в так называемом «культурном слое», сосредоточены на оконечности огражденного указанными укреплениями мыса и занимают немного более 3 га. Эта часть довольно значительно (до 2 м) возвышается над остальной площадью городища и

Рис. 2. Средняя часть вала.

имеет в плане форму трапеции, вытянутой с ЮВ на СЗ, причем скошенная восточная и северо-восточная стороны ее образованы поворотом древнего русла реки, северо-западная постепенно переходит в пойменную низину, а юго-западная, самая длинная сторона, очерчена вторым широким рвом, хотя и сильно заплывшим, но еще прослеживаемым в юго-восточной его части, а в противоположном конце сливающимся с низиной. Возвышенность в этой части городища не естественного происхождения, а образовалась

Рис. 3. Восточная оконечность вала.

в результате разрушения находившихся здесь построек, скопления большого количества кухонных отходов и прочих остатков жизни и деятельности людей. Именно в этой части городища производились раскопки как в прежнее время В. И. Сизовым и Н. И. Веселовским так и в последние три года Саркелской экспедицией ГАИМК.

Уже на основании старых раскопок Сизова и Веселовского, а также случайных находок, можно было заключить, что в пределах внутреннего укрепления Саркелского городища существовало небольшое, но тесно

застроенное поселение, в составе сооружений которого были не только деревянные или глиняные, но и кирпичные постройки и даже здания с мраморными колоннами и капителями. Было известно, что эта часть городища, кроме рва, была ограждена кирпичной оборонительной стеной. Однако никаких заслуживающих доверия подробностей ни об устройстве оборонительных сооружений, ни о постройках внутри укреплений известно не было. На основании находок различных вещей в городище можно было заключить о существовании поселения с IX по XII в., но какие изменения оно за это

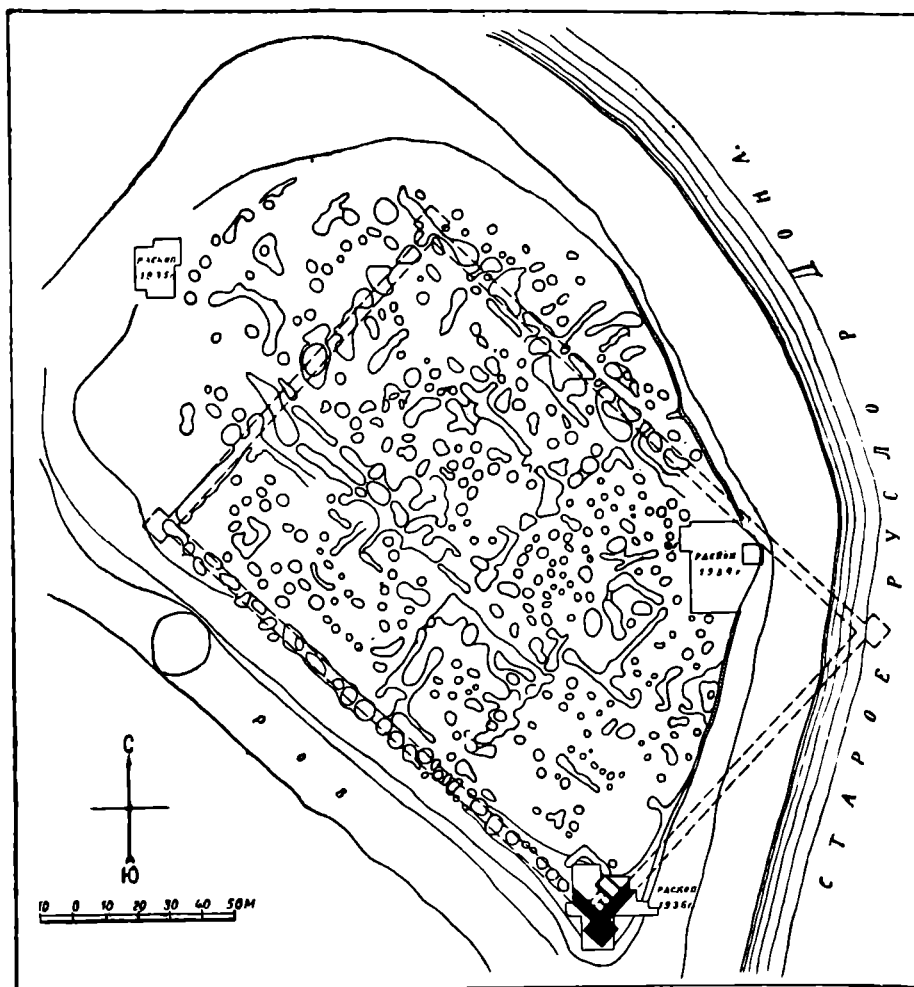

Рис. 4. План основной части городища.

время претерпело, оставалось невыясненным. Раскопки 1934—1936 гг. до некоторой степени восполнили этот пробел.

Саркелская экспедиция ГАИМК исследовала внутреннее укрепление городища в трех местах широкими, большими площадями (рис. 4). Один раскоп был заложен с северо-восточной стороны городища, на краю возвышенности, примыкающей к реке, другой — в северо-западном конце, там, где возвышенность пологим скатом переходит в пойменную низину, и третий — в южном углу возвышенности, там, где ограничивающий ее ров соединяется с долиной реки. В итоге раскопок, а также изучения расположения ям, в большом количестве видных на поверхности возвышенности (рис. 5), т. е. заселенной части городища и обязанных своим происхождением хищническим раскопкам с целью добывания кирпичей из остатков древних построек, оказалось возможным установить, что оборонительные кирпичные стены обводили не всю площадь возвышенной части городища

(рис. 4). От южного угла ее стена шла вдоль края рва на протяжении 180 м, а затем под прямым углом поворачивала к СВ и пересекала поперек внутреннюю, ныне возвышенную, часть городища. Недалеко от берега реки стена опять под прямым углом, поворачивала к ЮВ и шла параллельно со стеной, находившейся с противоположной стороны возвышенности, вдоль рва. Следы стены с северо-восточной стороны, а равным образом стены от южного угла крепости, направляющейся на СВ, не соединяясь между собой, подходят к краю возвышенности по берегу реки.

Без сомнения, кирпичная крепость имела форму вытянутого с ЮВ на СЗ прямоугольника, длина которого определяется протяжением юго-западной стены вдоль рва в 180 м, а ширина размерами северо-западной поперечной стены, имеющей 125 м длины. Восточный угол этой крепости не сохранился, но место его легко устанавливается мысленным продолжением юго-восточной и северо-восточной стен до их пересечения под прямым углом. В настоящее время место, где находился восточный угол крепости, приходится над водой небольшого озера, огибающего городище с восточной сто-

Рис. 5. Ямы на поверхности городища. Северный угол крепости.

роны и являющегося остатком старого русла реки. Восточный угол крепости вместе с частью берега, на котором он находился, смыт рекою и притом на довольно значительном расстоянии: смыто не менее 50 м северо-восточной и 100 м юго-восточной оборонительных стен. Находка на дне озера большого количества как отдельных кирпичей, так и связанных известью в глыбы, дала повод к проникшим в литературу легендам о существовании на месте их нахождения кирпичной набережной и пристани, тогда как в действительности они являются остатками оборонительных стен, разрушенных вследствие размывания берега и очутившихся в воде.

Северо-западная часть возвышенности на краю мыса, занятого Саркелским городищем, находится вне крепостных стен, из чего следует, что в этом месте поселение выходило за пределы кирпичной крепости. Следует отметить, что ров, отделяющий возвышенную часть городища от остального пространства, ограниченного первой линией укреплений в виде вала и рва, хорошо прослеживается только вдоль юго-западной стены кирпичной крепости, а далее, возле поселения у ее северо-западной стены, теряется, сливаясь со склоном, переходящим в пойменную долину реки. Повидимому, и первоначально ров не следовал за стеною после ее поворота к СВ, а, продолжаясь на небольшое расстояние в старом направлении на СЗ, соединялся с речной долиной. Таким образом находящаяся вне стен кирпичной крепости часть поселения все же была отделена от незаселенной, большей

части городища рвом. Остается непонятным, почему кирпичными стенами было обведено не все пространство отрезанного вторым рвом мыса. Может быть потому, что северо-западная часть его была ниже остальной и представляла не горизонтально ровную площадь, а пологий склон к реке. Это обстоятельство не могло служить препятствием для поселения. — поскольку

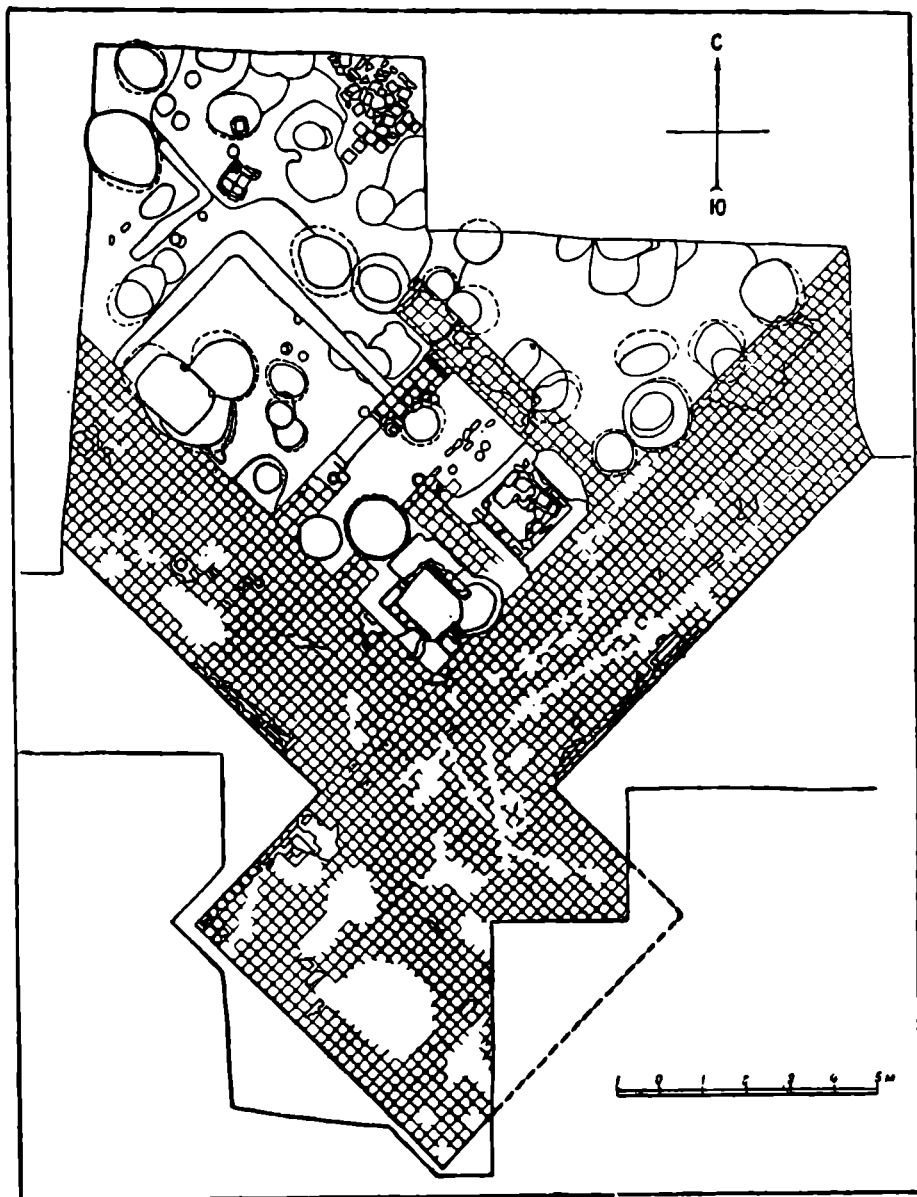

Рис. 6. План раскопа 1936 г. Южный угол крепости.

место все же не заливалось весенними водами и было защищено широким рвом, — но для возведения крепостных стен, которые строились без фундаментов, было неудобно.

Об устройстве кирпичных оборонительных сооружений довольно отчетливое представление можно составить по их частям, открытым в южном углу крепости при раскопках, произведенных специально для изучения остатков оборонительных стен (рис. 6). Следует заметить, что остатки кирпичных сооружений в городище подверглись основательному разрушению в сравнительно недавнее время при извлечении из него местным населением строительных материалов — кирпичей. Поэтому *in situ* уцелели только жалкие обрывки кирпичных кладок, но место стен при раскопках оказалось

возможным установить не только по этим остаткам кладок, но и по отпечаткам нижнего ряда кирпичей, оставшимся на поверхности материковой глины, на которой стены были основаны. Отпечатки эти настолько отчетливы, что позволяют составить вполне точное представление не только о размерах кладки в целом, но и о величине каждого кирпича нижнего ряда в отдельности, даже о толщине слоя извести между кирпичами (рис. 7).

Оборонительные стены, так же как и другие кирпичные постройки Саркела, были выстроены без фундамента на поверхности материковой глины, очищенной от покрывающего ее нетолстого слоя почвы, собственно даже только дернового покрова. Они были сложены из кирпичей квадратных и прямоугольных. Первые имеют около 24 см в стороне при толщине в 6 см, вторые представляют половинки первых при той же толщине. Кладка в основном возводилась из квадратных кирпичей; половинки употреблялись в ней

Рис. 7 Остатки крепостной стены и отпечатки первого ряда кирпичей на материковой глине.

для того, чтобы сдвинуть места швов между кирпичами так, чтобы они не приходились один над другим в соседних горизонтальных рядах кирпичной кладки. Кирпичи скреплялись раствором извести, слой которой между горизонтальными рядами кладки не превышал 3—4 см, тогда как в византийских постройках он обычно толще кирпичей. Насколько можно судить без специального анализа, применявшаяся для скрепления кирпичей известь имела очень малую примесь песка. Никаких других примесей, в частности обычного в византийской цемянке толченого кирпича, в ней не замечено. Стены саркелских построек возводились из одних кирпичей на извести, без характерного для византийской архитектуры чередования рядов кирпичной кладки с рядами камней. В заключение описания строительной техники и материалов отметим, что саркелские кирпичи в общем хорошо обожжены; среди них встречаются экземпляры больших по сравнению с описанными размеров, и также квадратные или в виде соответствующих им половинок. Самые большие кирпичи имеют 29—30 см в стороне при толщине до 7 см. Средние по величине кирпичи имеют в стороне 26—28 см.

На кирпичах изредка встречаются нанесенные по сырой, реже процарапанные по обожженной поверхности геометрические знаки, символические

фигуры и схематические изображения животных и человека. Судя по тому, что большая часть этих начертаний на кирпичах покрыта известью, надо полагать, что они наносились на кирпичи не для украшения построек, так как в готовой кладке их не было видно, а имели другое значение, будучи частью метками мастеров, а частью магическими и культовыми изображениями. Однако изредка встречаются начертания и чисто декоративного характера. Они находятся на больших кирпичах и не были закрыты известью, что может указывать на помещение этих кирпичей широкою поверхностью с изображением наружу, т. е. в качестве облицовки.

Знаки и изображения на саркелских кирпичах близко напоминают начертания на камнях Маяцкого городища, о котором речь будет ниже, а также на камнях и кирпичах древней столицы дунайских болгар Преславы (Абоба-Плиски), и вовсе не имеют соответствия в собственно византийских сооружениях. Следует отметить также, что размеры цимлянских кирпичей не совпадают с обычными в византийском строительстве; они, во-первых, много толще, а во-вторых, меньше их по размеру. В этом отношении саркелские кирпичи ближе к кирпичам татарских и болгарских построек на Волге, а через них к кирпичам Средней Азии.

В южном углу крепости при раскопках были открыты остатки большой угловой башни. Каждая сторона ее равнялась 7.90 м. По крайней мере нижняя часть ее имела сплошную кирпичную кладку. К этому весьма массивному сооружению примыкали оборонительные стены так, что внутренний угол их совпадал с внутренним углом башни. Толщина оборонительных стен, сложенных, как и башня, сплошь из кирпича, равнялась 3.70 м; башня таким образом выступала за стену более чем на 4 м (рис. 6).

На основании этих данных уже можно составить представление о мощи Саркелской крепости и об ее первоначальном внешнем облике. Надо думать, что в соответствии с толщиной стены возвышались не менее чем на 6—7 м от поверхности почвы, а башни, может быть, еще выше. И те и другие по существовавшему тогда обыкновению, без сомнения, были увенчаны зубчатым парапетом. По данным раскопок и по расположению хищнических ям, можно с полной уверенностью полагать, что башни, подобные открытой в южном углу крепости, имелись и по трем остальным ее углам (рис. 1 и 4). Надо думать, что вдоль каждой из стен было, кроме того, еще по несколько башен, но, вероятно, меньшей величины, чем угловая. Однако размеры их, формы и количество пока остаются невыясненными. Неизвестно также, где находились ворота, ведущие в крепость. По всей вероятности, они были устроены в северо-западной стене крепости, там, где к ней примыкает небольшой, но густо застроенный участок, находившийся за пределами внутреннего укрепления. Кроме расположения поселения вне кирпичной крепости возле ее северо-западной стены, о нахождении в этой стене ворот свидетельствуют большие ямы, имеющиеся вблизи середины линии поперечной стены и указывающие на местонахождение здесь значительного кирпичного сооружения, каким и могла быть воротная башня. На то же указывает расположение построек внутри крепости, прослеживаемое по ямам, сделанным при извлечении кирпичей из городища. Похоже на то, что они группировались по сторонам улицы, идущей от места предполагаемых ворот к центру крепости.

По неоднократно уже упомянутым хищническим ямам на поверхности городища, по своему расположению и формам, приблизительно соответствующим местоположению и размерам построек, а также по данным раскопок, совершенно несомненно, что, кроме стен и башен, в Саркеле были и другие кирпичные сооружения. Несколько таких сооружений находилось по сторонам указанной улицы. Большой комплекс помещался приблизительно у середины юго-западной оборонительной стены. Следы какого-то большого здания прослеживаются в центральной части крепости. Указания на

небольшие постройки имеются и в других частях городища (рис. 4). В середине крепости, быть может, помещалась церковь. О возможности наличия ее в Саркеле свидетельствуют находки мраморных колонн и капители с крестом, причем по характеру этих архитектурных остатков можно думать, что они принадлежали купольному зданию. К сожалению, составить отчетливое представление о кирпичных постройках внутри крепости, об их размерах, плане и назначении впрямь до более значительных раскопок только по расположению ям, посредством которых было закончено разрушение кирпичных зданий Саркела, — совершенно невозможно.

Открытые до сих пор остатки кирпичных сооружений внутри крепости слишком незначительны, чтобы на основании их можно было с полной уверенностью судить о кирпичных сооружениях в целом. Но сами по себе они интересны, и некоторые заключения по истории города на основании их сделать можно (рис. 8). Остатки кирпичных сооружений были обнаружены в южном углу крепости.

В 5.15 м от южного угла параллельно к юго-западной оборонительной стене была открыта стена, сохранившаяся более чем на 4 м в длину и 0.90 м в высоту (рис. 9). В ширину она имела 0.90 м и была сложена из $3\frac{1}{2}$ кирпичей. Юго-восточный конец сохранившейся кладки находился в 2.60 м от юго-восточной оборонительной стены, причем несомненно, что первоначально описанная кладка, продолжаясь до внутренней стороны этой оборонительной стены, примыкала к ней под прямым углом. Между оборонительной стеной и кирпичной кладкой на земле сохранились огпечатки кирпичей, по направлению и ширине вполне соответствующие этой стене. Так как с противоположного конца кирпичная кладка разрушена глубокими ямами, уничтожившими даже следы ее на материке, первоначальную длину стены, остатком которой она является, оказалось возможным установить только по двум гнездам (рис. 10) для концов балок, находящимся с северо-восточной стороны сохранившейся кладки на высоте 0.50 м от основания и в 3.30 м от северо-восточной оборонительной стены. Возле гнезд были обнаружены следы деревянных балок и досок настланного на них пола. Полагая, что балки, на которых был настлан пол, находились посередине стены, можно установить, что длина этой стены внутри помещения равнялась приблизительно 7 м. Нет сомнения, что это была наружная стена здания, внутри которого находился деревянный пол, т. е. здания, по всей вероятности, жилого. Общие размеры этого здания, к сожалению, установить не удалось как в виду плохой сохранности его остатков, так и недостаточной величины раскопа. По разным признакам, а в особенности по расположению хищнических ям, все же ясно, что помещение с сохранившимися остатками деревянного пола было небольшим; при указанной длине в 7 м

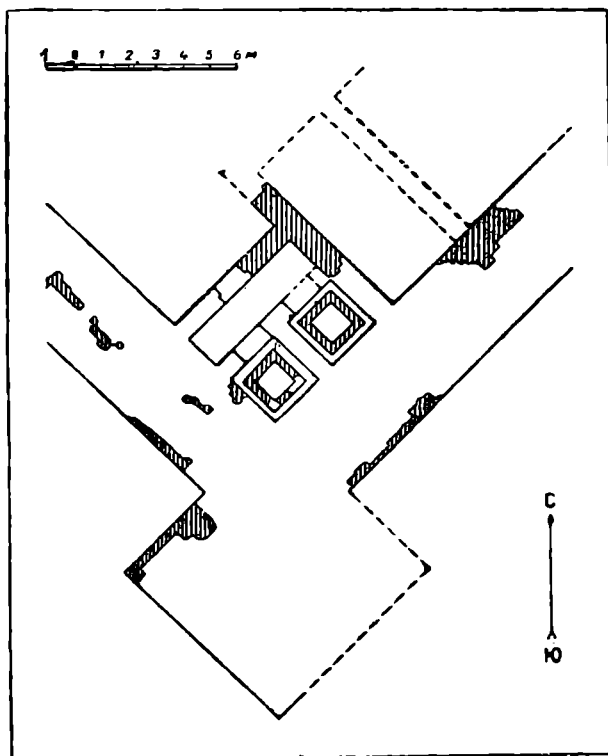

Рис. 8. Схема кирпичных сооружений в южном углу крепости.

соответствующие этой стене. Так как с противоположного конца кирпичная кладка разрушена глубокими ямами, уничтожившими даже следы ее на материке, первоначальную длину стены, остатком которой она является, оказалось возможным установить только по двум гнездам (рис. 10) для концов балок, находящимся с северо-восточной стороны сохранившейся кладки на высоте 0.50 м от основания и в 3.30 м от северо-восточной оборонительной стены. Возле гнезд были обнаружены следы деревянных балок и досок настланного на них пола. Полагая, что балки, на которых был настлан пол, находились посередине стены, можно установить, что длина этой стены внутри помещения равнялась приблизительно 7 м. Нет сомнения, что это была наружная стена здания, внутри которого находился деревянный пол, т. е. здания, по всей вероятности, жилого. Общие размеры этого здания, к сожалению, установить не удалось как в виду плохой сохранности его остатков, так и недостаточной величины раскопа. По разным признакам, а в особенности по расположению хищнических ям, все же ясно, что помещение с сохранившимися остатками деревянного пола было небольшим; при указанной длине в 7 м

оно имело в ширину всего около 3 м и являлось частью большого здания, отделенной внутренней стеной.

Рис. 9. Юго-западная сторона стены жилого помещения внутри крепости.

Пространство в самом углу крепости между описанным выше зданием и юго-западной оборонительной стеной было занято двумя смежными, разделенными кирпичной стенкою помещениями. Они расположены вдоль

Рис. 10. Северо-восточная сторона стены жилого помещения внутри крепости.

северо-восточной оборонительной стены так, что эта стена, юго-западная оборонительная стена и наружная стена описанного выше здания составляли три наружные стены этих помещений (рис. 6 и 11). В каждом из этих поме-

щений находилось по квадратной яме с облицованными кирпичом стенками и глиняным дном (рис. 12 и 13). Каждая из сторон ям имела в длину от

Рис. 11. Угол крепостной стены с башней и подвальные помещения.

1.10 до 1.30 м; размер камер, в середине которых они помещались, — 2.30 × 2.50 м; глубина ям равнялась 1.30 м. Пол камер по сторонам ям был залит толстым слоем извести. Над одной из ям частично уцелело плас-

Рис. 12. Кирпичное подвальное помещение № 1.

ское перекрытие из крупных квадратных кирпичей, устроенное, повидимому, на деревянных переводах. С северо-западной стороны вдоль камер находился узкий в 1.20 м коридор, в который вела одна дверь в наружной стене и две двери во внутренней стене, соединявшие его с камерами. Общие

размеры описанного помещения — 5.30 м с СВ на ЮЗ и 4.40 м с ЮВ на СЗ. Все составляющие его стены, кроме тех, между которыми оно построено, относительно тонкие, всего в $2\frac{1}{2}$ кирпича или 0.70 м. При исследовании камер и ям не найдено никаких указаний на их назначение. По всей вероятности, это была кладовая, но для хранения каких предметов — неизвестно.

Описанные кирпичные здания вне всякого сомнения выстроены одновременно и вместе с оборонительными сооружениями, так как кладки всех их связаны между собой. Повидимому, и другие кирпичные постройки, находившиеся внутри крепости, сооружены вместе с ними, все они в целом представляют тот первоначальный Саркел, для построения которого хазары пригласили византийских инженеров.

По находкам, сделанным во время раскопок, можно заключить, что кирпичная крепость с находившимися внутри ее зданиями была построена на пустом, ранее не заселенном месте, а также, что количество населения

Рис. 13. Кирпичное подвальное помещение № 2 с перекрытием.

в первоначальном Саркеле было невелико. Об этом свидетельствует малочисленность найденных предметов, относящихся к IX в., а равным образом наличие больших незастроенных и незаселенных пустырей между кирпичными постройками внутри крепости. В раскопе 1934 г в восточном крае городища, охватывавшем площадь более 600 кв. м, из кирпичных первоначальных сооружений Саркела была открыта только небольшая часть северо-восточной оборонительной стены, попавшая в северо-восточный угол раскопа. На всем остальном пространстве этого раскопа, довольно значительном по сравнению с общими размерами крепости, никаких следов сооружений IX в. не найдено. Так как с поверхности на этом месте не было заметно ям, свидетельствующих о хищнической разборке остатков кирпичных стен, можно полагать, что и в других довольно обширных участках внутри крепости с аналогичным характером поверхности, кирпичных построек не было. Для того чтобы это заключение было понятно, необходимо добавить, что вся поверхность городища изрыта небольшими ямами с целью извлечения кирпичей, но в тех местах, где копавшие наткнулись на стенки древних зданий, эти ямы расширялись в соответствии с формами и размерами разбираемой постройки (рис. 4). Судя по громадному количеству ям на поверхности городища, можно быть уверенным, что в поисках кирпичей

не были пропущены остатки ни одной из построек древней крепости. Следовательно, расположение и характер ям на поверхности городища дают достаточно оснований для суждения о степени застроенности крепости кирпичными зданиями.

Итак, внутри крепости первоначально находилось только некоторое количество кирпичных зданий, построенных вместе с оборонительными стенами и занимавших далеко не все огражденное последними пространство. Место в крепости, не занятое кирпичными зданиями, оставалось пустым. Очевидно, что в начале Саркел был только крепостью со зданиями для помещения гарнизона и со складами для хранения различных запасов. Постоянного гражданского населения в ней первоначально, судя по всему, не было.

Сделанные при раскопках находки подтверждают сообщение Константина Багрянородного о построении этой крепости в IX в., а местоположение ее делает вероятными и некоторые подробности, рассказываемые им об ее сооружении. Действительно, в местности, где помещается Саркел, нет камня, пригодного для строения. Выходы известняков находятся на другой, нагорной стороне Дона. Это обстоятельство потребовало бы большой затраты труда на перевозку материала, не отличающегося к тому же хорошим качеством. Вместо постройки крепости из плохих непрочных камней выгоднее было сделать ее из кирпичей, изготовленных на месте, используя имеющийся вблизи известняк для приготовления цементирующего раствора. Возможно, что совет соорудить крепость из кирпичей был дан Петроной, который был прислан Византией для содействия хазарам своим инженерным опытом и знаниями. По его указаниям, возможно, и была построена крепость в целом, вместе с находящимися внутри ее зданиями, хотя специфически византийского в технике и формах открытых построек пока ничего не обнаружено, за исключением мраморных колонн и капители, может быть, привезенных Петроной для церкви, которая, по понятиям византийцев, была обязательной принадлежностью всякой крепости. Была ли выстроена и в Саркеле церковь или найденные в городище мраморы составляли принадлежность здания с другим назначением — точно неизвестно, но ничего невероятного в построении в Саркеле церкви нет, так как в Хазарии было много христиан, и инициатива представителей Византии в этом отношении могла встретить хороший прием и быть осуществленной.

Непосредственными исполнителями строительных работ в Саркеле были представители туземного населения. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют характерные знаки и изображения на кирпичях Саркелского городища. Более того, роль хазар при построении крепости едва ли правильно представлять в качестве заказчиков, предоставивших все на усмотрение византийских производителей работ. Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты скорее всего были только советниками хазар. По их указанию крепость сделана из кирпичей, но изготовление кирпичей, судя по их формам, производилось без участия византийцев и не по византийским образцам. Откуда взяли своих мастеров хазары — вопрос особый, так как, по сообщениям арабских писателей, кирпичные постройки не были распространены в Хазарии. Ал-Истахри и Ал-Мукадасси говорят, что в Итиле только дворец или замок правителя был выстроен из обожженного кирпича. Ал-Истахри к этому добавляет, что ни у одного человека, кроме царя, нет построек из обожженного кирпича, что царь никому, кроме себя, не позволяет строить из кирпича.¹ Действительно ли правитель хазар имел привилегию жить в кирпичных зданиях или малочисленность такого рода сооружений в Итиле следует объяснить другими

¹ И. А. Караулов. Сведения арабских географов. СМОМПК, вып. XXXVIII, стр. 4; вып. XXIX, стр. 41.

причинами — в данном случае неважно. Существенно, что у хазар все же были кирпичные постройки, а следовательно, и люди, которые умели изготавливать кирпичи. Участием хазарских мастеров и следует объяснять тот факт, что саркелские кирпичи имеют не византийские размеры. Пример с кирпичами важен не сам по себе, а как подтверждение мысли о том, что Саркел не следует считать византийской крепостью не только в том смысле, в каком ее представлял Ф. И. Успенский, но и как произведение строительства. Саркел строили хазары, а не Византия, хотя и при участии византийских советников и по их указаниям.

По сообщению Константина Багрянородного, гарнизон Саркела состоял из 300 человек и ежегодно сменялся. Он предназначался, очевидно, только для охраны крепости и мог целиком помещаться во внутреннем кирпичном укреплении. Во время войны Саркел в качестве опорного пункта хазар на западе мог вместить в своих укреплениях большое войско. Оно помещалось, конечно, не в слишком маленькой для этой цели кирпичной крепости, а на той большой площади, которая ограждена первой линией укреплений в виде глубокого рва и вала и которая, видимо, для этого, т. е. для временного размещения большого войска, и предназначалась (рис. 1). Здесь не было постоянных построек и в мирное время она пустовала. В случае нападения маленький постоянный гарнизон крепости был не в состоянии защищать длинную линию внешних укреплений: он запирался в кирпичных стенах внутреннего укрепления; но во время войны, когда в крепости собиралось войско, площадь за первой линией укреплений заполнялась палатками, возами и толпами воинов и слуг. Для защиты их от неожиданного нападения и предназначался внешний ров и вал, которые следует признать сооруженными одновременно с кирпичной крепостью, и отделяющим ее вторым рвом. Обе эти части Саркела были одинаково необходимы, и при учете назначения обеих только и может быть выяснено истинное значение крепости в целом.

Саркелская крепость недолго сохраняла свой первоначальный характер. Изменившиеся международные условия, т. е. оттеснение печенегов на запад к Днепру, с одной стороны, и превращение Саркела из крепости в поселение со значительным гражданским населением — с другой, должны были сильно отразиться и на его внешнем виде и на его значении.

Раскопками с достаточной достоверностью установлено, что ко времени заселения Саркела постоянными жителями первоначальная кирпичная крепость была сильно повреждена и во многих своих частях разрушена. В южном углу крепости на месте описанных выше первоначальных кирпичных построек были обнаружены остатки сооружений, относящихся, судя по находкам, к X в. Ко времени их устройства первоначальные кирпичные постройки в этом месте находились уже в развалинах, но оборонительные стены, хотя бы в нижней своей части, были еще целы.

На месте кладовой с двумя погребями был устроен жилой дом, стенами для которого послужили две сходящиеся здесь под прямым углом оборонительные стены и часть уцелевшей до сих пор стены здания с деревянным полом. Четвертая стена жилого дома X в. была устроена на месте внутренней стены кладовой, отделявшей камеры от коридора. При ее сооружении остатки кирпичной кладки как той стены, на месте которой она была возведена, так и стены поперечной, разделяющей камеры с погребями, были разобраны; в стене дома с деревянным полом были выбиты неровные углубления для концов горизонтальных жердей, которые вместе с вертикальными столбами (от них сохранились ямы в материке) составляли основу новой глинобитной стенки. Пол нового помещения был глинобитный; кровля его была сделана из обмазанной глиною куги (камыша). Ближайшая к углу крепости яма с кирпичными стенками была использована в качестве подвальной ямы нового жилища (рис. 12). Существенно отметить, что строители

этого жилища не подозревали о существовании ям с кирпичными стенками и, устраивая для себя подвальную яму, наткнулись на одну из них, случайно разрушив при этом одну из ее кирпичных стенок (рис. 12) Отсюда можно заключить, что кирпичная кладовая к моменту сооружения на ее месте жилища давно уже находилась в развалинах.

Рис. 14. Ямы и две печи в северном углу раскопа.

Подобного рода наблюдения были сделаны и в других местах раскопок. Все они убедительно свидетельствуют о том, что первоначальные здания Саркела недолго сохранялись в целости, что на месте их и рядом с ними в X в. возникают многочисленные постройки, возведенные с использованием кирпичей, взятых из разрушенных первоначальных зданий. Кирпич в них употреблялся главным образом для устройства печей (рис. 14), настилки полов и для фундаментов под деревянные стены. О том, что в дело шел не новый, специально изготовленный кирпич, а старый, взятый из разобранных, более древних построек, свидетельствуют следы известкового раствора на кирпичах, указывающие, что раньше они скреплены были между собою, между тем как все эти кладки из старых кирпичей сложены насухо или

на глине. Следует отметить, что в более древних постройках преобладают целые кирпичи, тогда как в позднейших, открываемых в верхних слоях городища, преобладают обломки. Видно, что позднейшее население Саркела брало кирпич, уже неоднократно использованный его предшественниками, т. е. что в последний период жизни Саркела от первоначальных построек крепости не уцелело ничего, кроме нижних частей зданий, к этому времени уже прикрытых мощными культурными наслоениями и новыми постройками и потому недоступных для дальнейшей разборки.

Поселение, возникшее в полуразрушенной кирпичной крепости Саркел, в основном было выстроено из дерева и глины. В толще культурных наслоений городища довольно хорошо сохранились остатки настилов и стен из местных мягких пород леса. В раскопе 1934 г. можно было проследить довольно значительные площади, выстланные досками, части от-

Рис. 15. Остатки деревянных построек X в. в крепости.

дельных бревен и стен, а также мощные слои из угля, свидетельствующие о неоднократных пожарах, опустошавших поселение.

О постройках в Саркеле в это время можно составить довольно отчетливое представление на основании наблюдений, сделанных при раскопках вдоль юго-западной оборонительной стены. За описанным уже зданием на месте кладовой с двумя ямами, или погребями, здесь были открыты еще две постройки (рис. 15). Первая из них находилась в 1,5 м от вышеописанного жилого помещения в углу крепости и представляла в плане прямоугольник длиной в 5 м и шириной в 4 м. Стены ее были сооружены из дерева, обмазанного глиной; пол был глинобитный. Ближе к северному углу находилась подвальная яма, состоявшая из двух смежных ям, круглой и четырехугольной; на дне последней сохранились следы двух столбов, на которых держалось деревянное перекрытие подвала. Дом был уничтожен пожаром; на месте его найдены обугленные бревна, куски обожженной обмазки и остатки крыши, сделанной из куги, смазанной глиной. В 1 м далее к СЗ была раскрыта часть другого такого же дома. Обе эти постройки были основаны на материке и одной из своих длинных сторон примыкали к юго-западной оборонительной стене так, что она с этой стороны служила

им стеною. Внутри описанных построек, а также вокруг них находились многочисленные ямы со стенками, обмазанными зеленой глиной. Некоторые из них были вырыты, без сомнения, ранее сооружения описанных построек, другие во время их существования и третьи позже (рис. 6 и 15).

Древние ямы, в колоссальном количестве прорезающие культурные наслоения городища и во множестве углубляющиеся в материк, иногда до 2 и более м ниже его поверхности, причинили сохранности наслоений городища значительно бóльший вред, чем грабительские ямы, вырытые на его поверхности. Древние ямы имеют различную форму, величину и назначение (рис. 14). Одни из них были подвальными, другие мусорными, третьи были вырыты при извлечении кирпичей из более старых построек, наконец, четвертые — зерновые. Последних особенно много. Стенки лучше сохранившихся из них книзу расширяются и обмазаны зеленой глиной, иногда со следами подмазок-подправок. В них были найдены обугленные зерна, повидимому, проса и пшеницы. Обилие и величина зерновых ям свидетельствуют о развитии земледелия у населения Саркела. О том же говорят многочисленные, найденные при раскопках, круглые каменные жернова, а также массивный железный лемех тяжелого плуга, встреченный в обломках в одной из ям, вырытой с материка и, следовательно, относящийся к древнейшему периоду сплошного заселения крепости. В числе находок имеется несколько железных серпов. На основании этих находок можно составить определенное представление о земледельческом производстве жителей Саркела. Это было крупное по количеству пашни производство с применением орудий, пригодных для обработки тяжелых степных почв. Это производство, повидимому, составляло основу их хозяйства. Кроме земледелия, жители Саркела занимались скотоводством, рыболовством и охотой в лесах, которые тогда покрывали долину р. Дона и были настолько значительны, что в них водились не только кабаны, но и олени.

Особенно важно отметить обнаруженные при раскопках следы ремесленных производств по изготовлению украшений из металла, посуды из глины, по обработке кости и камня. Остатками гончарного производства являются многочисленные обжигательные горны, находимые в береге реки возле городища. Все это определяет Саркел X в. не только как сельскохозяйственное поселение, но и как местный центр ремесленного производства, как средневековый город.

Значение Саркела как города, т. е. как центра населенного округа, становится несомненным при ознакомлении с другими памятниками прошлого, находящимися в его окрестностях. Вблизи Саркела и далее, по нижнему течению р. Дона, а равным образом, кажется, и Донца имеется довольно значительное количество поселений, относящихся к тому же времени, что и сплошное заселение Саркелской крепости. Хотя ни одно из них не раскапывалось, но по внешним признакам и случайным находкам можно установить, что эти поселения состояли из жилищ типа полуземлянок. Встречающийся на них керамический материал соответствует найденному в нижних слоях постоянного поселения в Саркеле. По всей вероятности, и по характеру своего хозяйства эти поселения походили на Саркел, т. е. принадлежали оседлому земледельческо-скотоводческому населению, факт появления которого в степной полосе представляет большое историческое значение.

Поселения эти располагаются преимущественно в речных долинах на надпойменной береговой террасе и реже на высоком берегу. Площадь распространения культурных остатков обычно довольно велика, но мощность культурного слоя и насыщенность его ничтожны. Это свидетельствует, с одной стороны, о разбросанности жилых построек, а с другой — о непродолжительности существования поселений, что подтверждается и однородностью находимого на местах поселений подъемного материала, преимущественно керамики. Тем не менее, трудно было бы признать эти поселения

кратковременными стоянками степных кочевников или даже периодически посещавшимися ими зимовниками, хотя бы потому, что ни те, ни другие не оставляют такого рода следов, какие характеризуют рассматриваемые поселения, а потому, несмотря на продолжительное господство в степях кочевого быта, остаются необнаруженными. Повидимому, для того чтобы следы поселения получили выражение хотя бы и в слабом культурном слое, необходимо, чтобы оно было более прочным и продолжительным, чем стоянка или зимовник кочевников, иными словами, чтобы оно принадлежало оседлому населению. С другой стороны, в составе керамических находок, как в Саркеле, так и в современных с ним поселениях имеются характерные котлообразные глиняные сосуды с внутренними ушками для подвешивания над открытым очагом, которые всеми своими признаками указывают на кочевой или полукочевой быт и могут рассматриваться как пережиточно-сохраняющиеся формы, свидетельствующие о происхождении оседлого населения из кочевой среды.

Одновременные с Саркелом поселения на нижнем Дону в большинстве своем не имеют укреплений. Возле некоторых из них встречаются загадочные кольцевые валы со рвом не снаружи, а внутри, которые ни по размерам, ни по устройству нельзя рассматривать как укрепления. К числу немногих поселений этого рода, имеющих несомненные оборонительные сооружения, относится городище, находящееся, как и Саркел, вблизи станицы Цимлянской, но расположенное не по левую, а по правую сторону Дона и притом не менее чем в 6 км от этой реки.

Это городище находится на правом берегу речки Котлубанной возле хут. Среднего.¹ Площадь его, обведенная валом и рвом, занимает не менее 15 га, но степень заселенности ее была очень слабой. Следы жилищ и заметные отложения культурных остатков сосредоточены вдоль берега реки и ближе к южному концу городища, но встречаются и за оградой, к С от нее по берегу р. Котлубанной. Таким образом разбросанные постройки далеко не занимали всей очень большой площади городища и вместе с тем выходили за его пределы, что, наряду со слабостью вала и рва, свидетельствует о том, что укреплениям не придавалось серьезного значения. Принимая во внимание наличие не только в других местах, но здесь же не вдалеке от городища у хут. Среднего неукрепленных поселений того же времени и не меньшего, чем оно, размера по занимаемой площади, необходимо допустить, что оседлое население всех их не чувствовало постоянной военной угрозы и спокойно занималось своим хозяйством; население не было вынуждено ни выбирать для поселения неудобные, но зато трудно доступные по естественным условиям места, ни защищаться от нападений за искусственными оборонительными сооружениями.

Обширные укрепления городища у хутора Среднего, представляя исключение среди неукрепленных поселений того же самого времени, во всем остальном близко сходных с ним, заслуживают внимания в двух отношениях. Во-первых, самым фактом существования укреплений, а во-вторых, размерами огражденной ими площади, несоответствующими величине самого поселения. Все дома и все население которого могли бы поместиться в укреплении значительно меньших размеров. Величину городища у хутора Среднего едва ли следует объяснять его назначением служить убежищем для населения соседних неукрепленных поселений. С точки зрения этого назначения его укрепления в виде невысокого вала и узкого рва даже при наличии поверх вала деревянного частокола слишком слабы, а местоположение слишком открытое. Скорее всего большие размеры огражденной площади этого городища нужно связывать с характером хозяйства его на-

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, стр. 25, рис. 10 (план городища у хут. Среднего).

селения, озабоченного при постройке укрепления не только защитой себя, но и охраной своего имущества — скота, иными словами, с важным значением в хозяйстве оседлого населения этого городища, а равным образом и других одновременных с ним поселений — скотоводства.

Что же касается самого факта укрепления поселения у хутора Среднего, в то время как другие аналогичные поселения укреплений не имеют, то его, может быть, следует объяснить положением этого поселения на большой дороге, той самой, на которой была построена и Саркелская крепость, и связанными с этим специфическими опасностями чисто местного значения. Надо особо отметить, что, говоря о дороге, на которой находился Саркел, менее всего следует принимать в расчет водный путь по р. Дону. Не для господства над этим путем и не для его охраны была выстроена хазарами крепость на левом берегу р. Дона. В противном случае ее бы следовало поместить в другом месте, именно там, где эту крепость искали те, которые полагали, что Саркел предназначался для господства над дорогой по реке, т. е. в месте наибольшего сближения Дона с Волгой — в месте переправы из одной реки в другую. Однако в действительности Саркел был выстроен в другом месте. Он находился у переправы через Дон, там, где эту реку пересекала важная для хазар сухопутная дорога, та самая, которую, по словам Константина Багрянородного, следовало перерезать при содействии алан, если бы хазары вздумали напасть на византийские владения в Крыму. Эта дорога шла из центральных хазарских областей в устьях Волги к их задонским владениям и была, повидимому, основной и важнейшей магистралью, пересекавшей Хазарию с востока на запад.

Если основываться на состоянии Саркела в X в. и на появлении на Дону в то же время неукрепленных поселений, то надо полагать, что Дон, бывший в IX в. опасной, нуждавшейся в усиленной охране границей Хазарии, к этому времени, по крайней мере в нижнем своем течении, превратился в сравнительно безопасную от вражеских нападений внутреннюю область Хазарского государства. В связи с этим Саркел из грозной крепости превратился в мирное поселение, утратившее прежнее военное значение. Первоначальные кирпичные укрепления его в это время не только не поддерживались и не возобновлялись, но, наоборот, разрушались самим населением для своих частных нужд.

Такое заключение подтверждается заслуживающим доверия сообщением хазарского кагана Иосифа, который, упоминая Саркел среди западных хазарских городов, определяет границу своих владений на западе в половине X в. далеко от него, именно областью одного из племен печенегов Б-ц-р (у арабов Баджна), находящейся на реке Ва-г-з,¹ которую Гаркави и в особенности Вестберг вполне основательно отождествляют с Узу — Днепром.²

Чтобы покончить с городищами и поселениями, находившимися в хазарскую эпоху в окрестностях нынешней станицы Цимлянской, необходимо остановиться еще на одном памятнике этого рода, помещающемся на высоком правом берегу Дона, километрах в 7 ниже станицы. Это весьма сильное в фортификационном отношении городище, неприступность которого, в первую очередь, определяется местоположением его на участке высокого берега, защищенном глубокими с крутыми склонами оврагами и еще более крутым склоном берега к реке. В соответствии с естественной конфигурацией участка, занятого укреплением, оно в плане имеет форму треугольника, образованного толстыми, сложенными из блоков местного известняка стенами, на месте которых ныне видны только валы из щебня, так как камни еще в 1744 г. были вывезены для постройки бастионов Старочеркасской крепости. Такими же остатками от внутренних стен укрепление

¹ П. К. Коковцов, ук. соч., стр. 102.

² Ф. Вестберг, Beiträge zur Klärung..., стр. 310.

делится на три части: одну большую в форме неправильного четырехугольника и две малых в виде треугольных отсеков в северном и южном углах городища.¹ По размерам укрепление не велико. Стороны его имеют в длину от 170 до 225 м. Общая площадь, занятая укреплением, не превышает 1,9 га, а площадь внутреннего четырехугольника — 0,7 га.

Небольшие раскопки, произведенные в этом городище В. И. Сизовым, очень мало прибавляют к данным о нем, получаемым в результате наружного осмотра и сбора подъемного материала. В четырехугольной части укрепления им были обнаружены следы квадратного каменного здания и были найдены вещи, которые он относит к XIII—XIV вв. Даже если бы эти датировки вещей можно было признать точными, другие, более показательные в этом отношении находки на городище опровергают предположение об его возникновении в указанное время. По керамике, собранной на городище, время сооружения крепости на правом берегу Дона следует относить

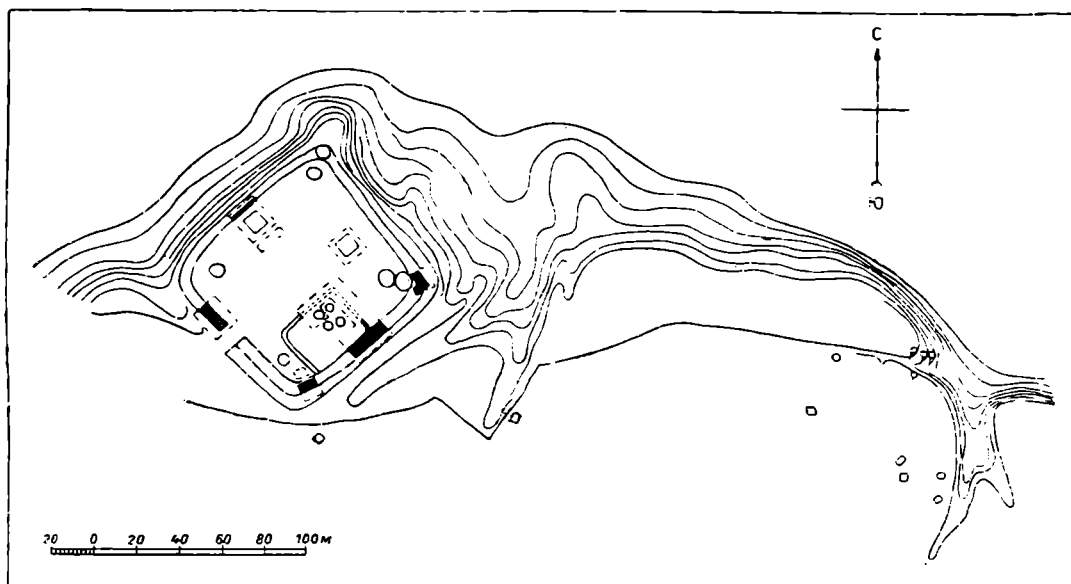

Рис. 16. План Маяцкого городища.

к хазарской эпохе, той же, в течение которой существовал Саркел и охарактеризованные выше поселения в окрестностях станицы Цимлянской.

Судя по небольшой мощности культурного слоя правобережного городища, оно также не было сплошь застроено и густо заселено. Вместе с тем местоположение, размеры и общий характер этого городища не позволяют считать его убежищем для окрестного населения. Более всего оно напоминает замок феодала, и если бы на этом впечатлении можно было основываться, следовало бы вслед затем сделать очень важное заключение о характере общественных отношений в провинциях Хазарии.

Однако одного впечатления от памятника для исторических выводов недостаточно.

В противоположность кирпичной крепости Саркела правобережное городище не единственный памятник в своем роде. Сходные с ним как по общему характеру, так и в деталях сооружения известны в местности между верхними течениями Дона и Донца, на границе между степью и лесостепной полосой.

Наиболее известным и лучше изученным сооружением этого рода является Маяцкое городище, находящееся при впадении р. Тихой Сосны

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону, стр. 27 сл.; рис. 11 (план правобережного городища).

в Дон (рис. 16). Оно расположено на высоком плоскогорье, изрезанном оврагами и заканчивающемся с правой стороны р. Сосны крутыми обрывами. По местоположению Маяцкое городище близко напоминает правобережное Цимлянское укрепление. Одной стороной оно примыкает к обрыву, а с двух других ограждено глубокими оврагами. Кроме того, городище обведено стеной и рвом.

В плане городище представляет форму неправильного четырехугольника-трапеции, стороны которого имеют в длину от 79 до 115 м, а общая площадь менее 0,8 га. Ров, окружающий городище с трех сторон (четвертая примыкает к обрыву), имеет в ширину 7—8,5 м при глубине 4—5,5 м. С юго-восточной стороны приблизительно посередине ее длины, напротив того места, где в валу имеется проход, ров прерывается; здесь находились единственные ворота укрепления.

Маяцкое городище неоднократно подвергалось раскопкам.¹ Было выяснено, что окружающие его валы образовались в результате разрушения верхних частей каменных стен. Стены, толщина которых доходила до 6,40 м с обеих сторон были сложены из массивных правильной тески блоков мелового камня местного происхождения, по ширине в один, а иногда в два ряда; камни плотно положены друг на друга насухо без каких-либо креплений (размер блоков от $0,5 \times 0,36 \times 0,27$ до $0,72 \times 0,40 \times 0,36$ м); промежуток между этими облицовочными стенками был засыпан рваным камнем и щебнем, а также измельченной известью или мелом. Н. Макаренко полагает, что измельченная в порошок засыпка является остатком цемента, положенного в полужидком (тестообразном) состоянии и скреплявшего забутовку.² Следует отметить, что массивные стены были возведены без фундамента, непосредственно на поверхности почвы, даже не материка. Первоначальная высота стен неизвестна. В сохранившихся частях она достигала 3,20 м. Укрепление было обведено ровными линиями стен без каких бы то ни было выступов и без башен по углам.

Внутри городища к юго-восточной стене примыкало помещение, обведенное особыми стенами, сложенными из таких же блоков, что и оборонительные стены, но сохранившимися (и то лишь в нижней своей части) только на очень небольшом протяжении, а в остальном прослеживаемые по невысоким валикам, образовавшимся на их месте из обломков камней и строительного щебня. В длину это сооружение равнялось 42 м, а в ширину по одной стороне 25,5 м, а по другой — 21 м. Стены его имели в толщину 0,90 м и были сложены из двух рядов тесаных блоков, узкий промежуток между которыми был заполнен щебнем и измельченным мелом. По своей толщине эти стены не могли быть ни чем иным, как невысокой оградой, выделявшей внутри крепости приблизительно $\frac{1}{8}$ часть ее площади (около 100 м²). Внутри этой площади были открыты остатки каменной кладки в виде четырехугольника размерами $8,5 \times 7$ м, обведенного такими же стенками, как у ограды, внутри которой они находились, но имевшими всего один ряд в высоту и отличавшимися ровным верхом. Макаренко полагает, что эта кладка представляет фундамент здания, выстроенного из другого материала, или же недостроенное сооружение. Первое из этих предположений мне кажется более вероятным. Судя по наличию внутри ограды еще нескольких мест с такими же признаками, какие были на поверхности того места, где открыты описанные остатки постройки, надо полагать, что в ограде находилось несколько зданий жилого и хозяйственного назначения, составлявших единый комплекс вроде двора владетельной семьи.

¹ А. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, стр. 153—163. — Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, стр. 143.

² Н. Макаренко, ук. соч., стр. 10.

За пределами этого двора, но внутри укрепления, Н. Макаренко раскопал два сооружения в виде полуземлянок, заметные на поверхности по западинам или заплывшим ямам. Нижняя часть одного из них, находившегося возле середины северо-западной стены, имела квадратный план при длине каждой из сторон в 4.20 м и глубине 0.70 м. «Прямые правильные стенки этой квадратной ямы, вырубленной в материковом камне, — пишет Н. Макаренко, — перпендикулярно спускались до дна». ¹ В одном углу ямы было выдолблено круглое, расширяющееся книзу углубление с наибольшим диаметром 0.40 и глубиной 0.15 м. Вблизи его находились остатки каменного очага. Яма второго сооружения, расположенного недалеко от описанной выше ограды, имела примерно те же размеры и то же устройство и отличалась от первой отсутствием признаков очага. Можно полагать, что в крепости находилось еще несколько такого же рода остатков жилых или хозяйственных построек. Вместе с тем немногочисленность находок и отсутствие хорошо выраженного культурного слоя указывает, что населенность крепости была небольшая и существовала она сравнительно недолго.

На плато возле описанного укрепления отчетливо заметны следы обширного поселения, занимавшего площадь не менее 15 га. Многочисленные впадины обозначают места жилых и хозяйственных построек. Эти впадины находятся на месте ям, составлявших нижнюю, скорее всего подвальную, часть сооружений, подобных тем, какие были открыты внутри укрепления. Среди ям преобладают четырехугольные, размерами от 2.5 × 2 м до 6.40 × 5.70 м при глубине около 0.75 м. На дне ям встречаются следы столбов и особые ямы, а в стенах — ниши. На ряду с прямоугольными, встречаются ямы того же характера, но с закругленными очертаниями. Открыты также круглые, расширяющиеся книзу, так называемые хлебные ямы, в большинстве случаев действительно служившие для хранения зерна.

В северо-восточном крае поселения возле склона и на склоне в овраг найдены характерные погребения в подземных камерах или катакомбах. Материалы из этих погребений, кажется, несколько древнее, чем находки на поселении. Однако нет сомнения, что указанный могильник связан с Маяцким городищем, представляя, видимо, наиболее древние погребения жителей городища, позднейшие захоронения которых следует искать также где-нибудь поблизости.

Особенно следует отметить знаки и изображения, сходные с известными по кирпичам Саркела, встреченные на камнях наружных облицовочных блоков в оборонительных стенах Маяцкого укрепления, а равным образом на стенках жилых ям находящегося возле него поселения.

Маяцкое городище с его окружением важно и любопытно прежде всего в качестве наиболее изученного поселения, принадлежащего к числу довольно многочисленных памятников так называемой Салтовской культуры. Могильник возле селения Верхнее Салтово на р. Донце, по имени которого назван тип представленной в нем культуры, по устройству могил и погребений в целом, по характеру инвентаря настолько близко сходен с могильником, находящимся возле Маяцкого городища, что в принадлежности их обоим к одной эпохе и даже одному народу не может быть сомнений. Существенно отметить, что Салтовский могильник, так же как и Маяцкий, находится вблизи одновременного с ним поселения с каменной крепостью. Остатки этой крепости, к сожалению, частично закрыты, а частично уничтожены позднейшими сооружениями. При раскопках в валу Салтовского городища была открыта кладка, близко напоминающая оборонительные стены Маяцкого городища. По словам В. А. Бабенко, она состояла как бы из трех отдельных параллельных стен 0.75 м толщиной каж-

¹ Там же, стр. 26.

дая, сложенных из больших отесанных плит песчаника. Промежутки между этими стенками (шириною также около 0.75 м) были забиты мелким щебнем, скрепленным, как и плиты, сероватым крепким цементом. Судя по этим данным, общая толщина оборонительной стены Салтовского городища равнялась приблизительно 3.5 м. В. А. Бабенко особо отмечает, что открытая каменная кладка состояла из разнообразного цвета песчаника, подобного которому в окрестностях Верхнего Салтова не имеется. На этом основании он заключает, что камень этот привозился откуда-то со стороны. «По правильности кладки и по точным размерам, — пишет он, — можно судить, что сооружение стен производилось искусными мастерами, знакомыми с техническими приемами каменных работ».¹

Судя по размерам крепости и по величине могильника, поселение в Верхнем Салтове было более значительным, чем Маяцкое. Но селище, расположенное вокруг крепости, здесь также было неукрепленным. Надо полагать, что Салтовские крепость и поселение возле нее в общем имели тот же характер и находились в таком же отношении друг к другу, как и в Маяцком городище. Однако здесь были обнаружены и некоторые новые, весьма важные черты, а именно в пределах каменной крепости были найдены остатки гончарной мастерской. По словам В. А. Бабенко, она имела вид землянки в 3.5 м длины и в 2.80 м ширины, стенки которой выложены были каменными плитами. В западной стороне этой землянки находилась полуразрушенная, наполненная углями, золой, обожженными камнями и задымленной глиной гончарная печь, углубленная ниже пола мастерской на 1.06 м. Пол мастерской находился на глубине 1.70 м от поверхности и был завален множеством фрагментов от различной посуды. Здесь же лежали слоями приготовленная отмученная, беловатая глина, куски обожженной глины и масса древесного угля и золы. В гончарной печи оказалось семь больших амфор.²

Третье городище того же типа, что и два рассмотренных выше, находится возле сел. Верхний Ольшан на левом берегу той же р. Тихой Сосны, при устье которой помещается Маяцкое городище. Его квадратная крепость — приблизительно тех же размеров, что и Маяцкое городище, стены из меловых блоков так же устроены, как и там. В заполнении промежутка между лицевыми кладками стен С. Н. Замятнин в одном месте отмечает, кроме глыб мела и мелового щебня, остатки цемента.³ Вокруг крепости обнаружены следы поселения. Здесь, как и в Маяцком городище, внутри крепости культурного слоя при раскопках почти не обнаружено. Имеются сведения о находках на камнях Ольшанского и Салтовского городищ знаков и изображений, подобных маяцким.

Принадлежность трех отмеченных городищ к одному типу и к одной эпохе несомненна. Вместе с тем столь же несомненно, что число городищ этого типа ими не ограничивается. Имеются все основания ожидать обнаружения еще целого ряда памятников того же рода среди городищ, находящихся между средним течением Дона и верховьями Донца, а равным образом и по р. Донцу. Представление о территории их распространения можно несколько уточнить на основании рассмотрения тесно связанных с ними и не менее характерных могильников. Кроме Салтовского и Маяцкого городищ, сходные с находящимися при них могильники были обнаружены близ слободы Покровской Купянского района, у Подгоровки, Саловки, Ютановки, Н. Лубянки Валуйского района и в самом городе Валуйках, у хут. Зливка на Донце в районе г. Изюма. Находки отдель-

¹ В. А. Б а б е н к о. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV АС, т. I, стр. 467.

² Там же, стр. 468.

³ С. Н. З а м я т н и н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах. Воронеж, 1921, стр. 3.

ных вещей, а также комплексов салтовского типа встречаются и за пределами очерченной выше территории. Однако распространение типичных городищ и могильников за ее пределами отнюдь не доказано, и едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь значительное расширение наметившейся уже области распространения Салтовской культуры как на север, так и на восток или запад; впрочем, возможно, что она отчетливее, чем ныне, выступит еще на Донце.

Распространение этой культуры по Донцу, отмечаемое, кроме упомянутых памятников, находками Сибилева по среднему течению этой реки и некоторыми данными, относящимися к ее низовьям, территориально связывает район салтовско-маяцких городищ и могильников с поселениями хазарской эпохи на нижнем Дону, в частности с описанными памятниками Цимлянского района. Находки на поселениях нижнего Дона, в особенности керамика, близко сходны с вещами Салтовской культуры, а правобережное Цимлянское городище, без сомнения, относится к типу салтовско-маяцких городищ.

Правобережное Цимлянское городище, как сказано, было обнесено каменной стеной. Оно, как и Маяцкое и Ольшанское укрепления, не имело сколько-нибудь мощного культурного слоя и по всем признакам, так же как и они, не было сплошь заселено. От Маяцкого, Салтовского и Ольшанского городищ правобережное Цимлянское городище отличается отсутствием открытого поселения возле крепости, но зато ряд таких поселений имеется в его окрестностях. Однако есть все основания полагать, что в районе распространения Салтовской культуры, в особенности по Донцу, неукрепленные поселения, относящиеся к тому же времени, что и крепости с примыкающими к ним селищами, представляют нередкое явление. С другой стороны, возможно, что среди городищ Салтовской культуры встретится крепость без примыкающего к ней поселения. Указанное отличие правобережного городища от других крепостей салтовско-маяцкого типа, может быть, зависит только от условий местоположения. Во всем остальном, в том числе, вероятно, и по назначению, они близко сходны между собой.

Ставя вопрос о назначении правобережной Цимлянской крепости, мы на основании вышеизложенного имеем возможность рассматривать ее не как единственный в своем роде памятник, да к тому же еще и не раскрытый сколько-нибудь отчетливо в своих первоначальных формах, а как одну из целой группы аналогичных крепостей, причем отрывочные и случайные данные, относящиеся к каждой из них в отдельности, взятые в совокупности, представляют довольно отчетливую картину. Этого рода крепости не были укрепленными сплошными поселениями, не были они и временными убежищами для окрестного населения на случай опасности. Для последней цели они слишком малы, а первое доказывается наличием неукрепленных поселений вокруг них или отдельно от крепостей, а также отсутствием следов сплошной застройки этих небольших по размерам, но мощных укреплений. Это скорее всего замки или владетельные дворы, внутри которых находились жилища и службы владетеля и его слуг или дружины, а может быть, и других наиболее знатных и могущественных членов того общества, которое выстроило эти крепости. Последнее в особенности относится к Салтовской крепости, которая, превосходя все другие известные сооружения того же типа по размерам, явно включала в себя более обширный контингент постоянных жителей не только по количеству, но и по составу. Среди них, как показывают находки, были и ремесленники-гончары, хотя нет и не может быть уверенности в том, что гончарная мастерская, обнаруженная в Салтовской крепости, не принадлежала к составу служб владетеля этой крепости и работала на обмен, а не на удовлетворение внутренних потребностей его обширного двора, и даже в том, что производство в ней осуществлялось трудом свободных, а не зависимых мастеров.

Обозревая Маяцкое городище, А. А. Спицын сомневался в том, что это — укрепление, и хотел видеть в нем остатки древнего монастырька, древний погост, обслуживавший своим кладбищем окрестности, может быть, на значительное расстояние.¹ Этот вывод А. А. Спицына неверен, так как основан на неточном наблюдении, ибо то, что он принимал за следы могильника, было обширным поселением вокруг крепости, но вместе с тем значение Маяцкого городища как центра окружающей территории, не обслуживавшего ее, а владевшего ею, господствовавшего над нею не только в переносном, но и в прямом смысле, им уловлено правильно. Это был центр феодального или полуфеодального образования. Это была крепость не для защиты окружающей территории, а для господства над ней. Таким же было назначение и других крепостей того же типа, в том числе и правобережного Цимлянского городища.

Эти крепости были центрами формирующихся феодальных образований, и каждая из них, повидимому, господствовала не только над тем населением, которое жило непосредственно возле ее стен, но и над жителями неукрепленных поселков, находившихся в ее окрестностях. Существенно отметить, что на ряду с крепостями-замками появляется и их необходимое дополнение — города. В город готово превратиться Салтовское поселение. И уже сложившимся городом, конечно, городом средневековым, вырисовывается Саркел в эпоху сплошного заселения.

Вопрос об этнической принадлежности Салтовской культуры решался в связи с несомненным сходством ее с памятниками Северного Кавказа. Сходство, как в устройстве могил, так и в составе и типах погребального инвентаря между северокавказскими и салтовскими погребениями прослеживалось и отмечалось А. М. Покровским, Д. Я. Самоквасовым и В. А. Бабенко. В связи с этим Д. Я. Самоквасов писал: «Салтовский и кавказские катакомбные могильники одного погребального обряда, одинаково датированы монетами VII—IX ст. и содержат один и тот же бытовой материал, несомненно, принадлежат одному народу — Козарам сказанного времени, владевшим тогда южною Россией и собиравшим дань с разрозненных русских племен».² Однако отнесение Салтовской культуры к хазарам далеко не всеми было принято. В виду того что могильники, известные на Северном Кавказе и сходные с Салтовским, локализованы в области древних алан, А. А. Спицын, а вслед за ним Ю. В. Готье, считали, что и Салтовско-маяцкая культура была не хазарской, а аланской.

Связывая кавказские и салтовские катакомбные погребения с катакомбными же могилами в курганах сарматской эпохи, А. А. Спицын полагал, что аланы в IV в., «потерпев разгром от гуннов, были сбиты с своих центров и рассеяны». Часть их, «неистребленная в войнах и не увлеченная гуннами на запад, отступила в лесостепные пространства и оставалась здесь все время, пока степи вновь не освободились как от гуннов, так и от ближайших их преемников... Под покровом хазарской власти аланы расцвели, размножились и широко разместились. Они вошли в торговые сношения с востоком (через Итиль и Рóсию), с финнами, с правобережьем Днепра и далее, чрез Киев, может быть ими заселенный, если и не ими основанный. Саркел был скорее всего аланский город, с аланским именем. Аланы давали тон хазарской культуре; торговля и промышленность, видимо, находились

А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца. ЖМНП. 1909. январь. стр. 78

² А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС. т. I. — Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 232 сл. — В. А. Бабенко, ук. соч., стр. 435 сл. — Он же. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника. Тр. XIV АС. т. III.

³ Д. Я. Самоквасов, ук. соч., стр. 233.

в их руках. Еврейские купцы были издавна близки аланам и аланизированы. Грамотность у хазар, если была, то, скорее всего аланская». ¹

Для многих из этих заключений есть основания и они являются совершенно закономерным развитием основного вывода о принадлежности катакомбных могил специально аланам. Действительно, предметы, характерные для катакомбных могил встречаются и в финских могильниках и в русских курганах и городищах; действительно, древний Саркел, как мы видели, принадлежит к той же культуре и поскольку это все же город, основанный хазарами и принадлежащий им, а эпоха, к которой относятся определенные в качестве аланских памятники, — хазарская, естественно заключить, что хазарская культура была всецело подчинена аланской. Об аланизации еврейских купцов можно говорить на основании сарматских элементов в еврейских памятниках Тамани и Керчи. Что касается письменности хазар и аланского происхождения названия Саркела, то здесь обоснованность заключений А. А. Спицына не столь очевидна, но об этом ниже.

По мнению А. А. Спицына, аланы жили на Донце вплоть до татарской эпохи. Именно они населяли известные по летописям города Шарукань, Чешуев, Асенева, Сугров и др. «В названии Асенева прямо слышится этническое имя, а корень имени Сугрова близок к названию Сурожа и Сугдеи», — говорит он. Весьма важно также, что в 1116 г. князь Ярополк, возвращаясь из похода на эти города, привел в числе пленников ясыню, т. е. осетинку-аланку, «красну вельми», на которой и женился. Сюда же в 1029 г. князь Ярослав «ходи на ясы и взят их». ² Ю. В. Готье, подхвативший мысль А. А. Спицына об аланской принадлежности Салтовской культуры, не добавил ничего нового к его аргументации, если не считать указания, что центр Хазарии был слишком далек от местонахождения как Северокавказской, так и Салтовской культур, так что в области их распространения если и были хазары, то только в виде «тудунов» — наместников с их свитой. ³

В последнее время появилась новая гипотеза об этнической принадлежности Салтовской культуры, относящая ее появление за счет венгров. Однако целый ряд данных свидетельствует против этой гипотезы и прежде всего невозможность объяснить с этой точки зрения тождественность между северокавказской и Салтовской культурами, разве только приписать первую тоже венграм, чему противоречат все имеющиеся как письменные, так и археологические данные. ⁴ Кроме того, район Салтовской культуры не мог быть Лебедией Константина Багрянородного, областью, занятой венграми, хотя бы потому, что эта культура просуществовала здесь до X в., тогда как в конце IX в. венгры покинули уже не только Лебедию, но и Ателькузу и находились там, где их потомки живут и поныне. Отвергая необоснованную гипотезу о венгерской принадлежности Салтовской культуры, мы не можем также согласиться и с трактовкой вопроса об аланах как о ее носителях, предложенной А. А. Спицыным.

Замечания А. А. Спицына относительно генетической связи северокавказских и салтовских катакомбных погребений с сарматскими курганами совершенно правильны. Тот обряд погребения, какой мы находим в катакомбных могилах средневековья, безусловно восходит к издавна бытовавшим в степях Северного Кавказа формам погребений. Больше того, салтовская и северокавказская средневековая керамика целым рядом переходных типов хорошо увязывается с туземной посудой сарматской поры. В этом отношении наблюдения, сделанные в связи с исследованиями Сусловского

¹ А. А. Спицын, ук. соч., стр. 70—71.

² Там же, стр. 75.

³ Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 78.

⁴ М. И. Артамонов, Проблемы, 1935, № 9—10, стр. 243 сл.

могильника на Волге, представляют существенное значение.¹ Рассматривая с этой точки зрения салтовские могилы, мы в праве заключить, что их отнюдь не следует относить за счет нового, пришлого населения в степях юга нашей страны, будь то венгры или хазары, если под последними разуметь тюрков. Наоборот, эти могилы служат указанием на длительное переживание старых форм, очевидно, обязанное сохранению здесь туземного населения.

Однако следует ли это туземное население считать аланским? Это отнюдь не может считаться доказанным. Первые упоминания алан относятся ко времени около нашей эры, причем они локализируются возле Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря).² Однако во второй половине I тысячелетия по всем письменным источникам аланы помещаются в средней части Северного Кавказа, где они составляют довольно сильное политическое образование, играющее заметную роль в истории Закавказья в связи с борьбой Персии и Византии. Повидимому, потомками этих алан можно считать теперешних осетин, хотя сами себя они этим именем, так же впрочем как и осетинами, не называют. Возможно также допустить, что эти аланы или осетины являются наиболее иранизированной частью сарматских племен.

Но они были не единственным остатком древнего туземного населения на Северном Кавказе; к востоку от алан, по побережью Каспийского моря, жило племя савиров, имя которых также известно, начиная с первых веков нашей эры и вплоть до конца I тысячелетия. Это тоже сарматское племя, сохранившееся в послегуннскую эпоху со своим старым наименованием. Еще важнее, что общее наименование племен северного Причерноморья и Прикавказья в послегуннскую эпоху «болгары», по указанию Н. Я. Марра, является разновидностью имени «сарматы». Болгарский язык, остатки которого уцелели до сих пор в языке чуваш, по свидетельству Н. Я. Марра, является языком яфетической стадии в развитии туземного населения юго-восточной части нашей страны, стадии, охватывающей и сарматскую эпоху, а болгарские племена — остатком сарматского населения, скрещенного с новыми этническими элементами, явившимися в эпоху гуннского вторжения. По сведениям арабских писателей, хазарский язык был сходен с болгарским, и по всем другим данным, хазары находились в ближайшем этническом родстве с болгарями.³ Неудивительно поэтому, что название хазарского города Саркел лучше всего объясняется из чувашского языка. С изложенной точки зрения сарматские элементы могли сохраниться не только в культуре алан-осетин, но и тех болгаро-хазарских племен, которые занимали степи и создали здесь особые политические образования — сначала болгарский племенной союз, а затем на его развалинах могущественное Хазарское царство, охватывавшее, между прочим, и район распространения Салтовской культуры.

Нет никакой необходимости представлять местность между Донцом и Доном в виде второго гнезда алан-осетин, в котором это племя сохраняло те же этнические признаки, какие у северокавказских осетин уцелели под защитой Кавказских гор. Укрывшаяся в горах часть алан могла, вследствие своей независимости, не только сохранить хотя бы в устах соседей то имя, которое принадлежало до гуннского разгрома союзу племен Азовско-Каспийского междуморья и те иранские элементы, начало проникновения которых в сарматскую среду, может быть, следует относить еще ко времени скифских походов в Переднюю Азию, но и развить их в связях с иранским восточным Закавказьем — с Персией. Степные племена, подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем

¹ П. С. Рыков. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925.

² В. Миллер. Осетинские этюды. II, Москва, 1887. — Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

³ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Соцэргиз, 1936, стр. 86 сл.

с тюрками, этнически, конечно, не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху то же самое, что и ироны — осетины. Свое происхождение они вели также от сармат или алан, но в это время они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан-осетин.

Однако русская летопись определенно указывает ясов-осетин на Дону, в стране Половецкой. В 1116 г. Ярополк «ходи на Половчскую землю, к рѣцѣ зовомой Донъ, и ту взя полонъ многъ и 3 города взя Половечьскыѣ: Галинъ, Чешлюевъ и Сугровъ и приведе с собою ясы, и жену полони собѣ Ясыню». В этом тексте Лаврентьевской летописи если что и следует исправить, так только Дон на Донец, ибо половецкие города, о которых здесь идет речь, видимо, все же находились не на Дону, а на Донце.¹ Спрашивается — откуда же на Донце взялись ясы, если в предшествовавшую эпоху здесь были болгары или хазары?

Ясы русской летописи, по всей вероятности, представляют вариант наименования асы или осы, до сих пор живущего в названии осетин, из чего и заключают, что это имя всегда относилось к тому этническому образованию, которое известно под этим именем до сих пор. Однако сами осетины так себя не называют, а прилагают это наименование к своим соседям-балкарам. Абхазы также называют азуко, т. е. азами или осами не осетин, а адыгейцев.² Из этого следует, что имя асов или осов было древним названием населения кубанских степей, ставшим обозначением страны, а затем было перенесено на племена, которые ее впоследствии населяли безотносительно к их этнической принадлежности. Вполне возможно, что это название в древности охватывало еще более широкий район и, будучи связано с его сарматским населением, уцелело вплоть до средневековья в качестве обозначения туземцев в целом или в каких-то частях. В XI—XIV вв. асы-ясы неоднократно упоминаются в составе половецкой и татарской орд. Вместе с половцами они проникают в Молдавию и Венгрию; на татарской службе они оказываются в Китае. Поэтому допустимо, что туземное население Донца в половецкую эпоху именовалось ясами, и тем же именем обозначалась другая ветвь того же происхождения — осы, осетины. Но из этого тождества наименований нельзя заключать об этническом тождестве этих двух ветвей старого туземного населения в ту эпоху, о которой идет речь. Одно и то же название относилось теперь к разным этническим образованиям: ирано-осетинскому, с одной стороны, и болгаро-хазарскому — с другой.

Важнейшим основанием гипотезы об аланской принадлежности Салтовской культуры является ее сходство с культурой центральной части Северного Кавказа, принадлежащей северо-кавказским аланам. На основании этого сходства, действительно, можно заключить, что в хазарскую эпоху одна и та же культура обнимала территорию между Доном и Донцом и центральную часть Кавказа, свидетельствуя об общности своего происхождения в обоих этих районах. Однако мы не можем быть уверены, что распространение этой культуры ограничивалось указанными местностями, что в других частях Хазарии ее вовсе нет. Никакой другой культуры в Хазарии в то время неизвестно, и сторонникам аланской гипотезы нечем поэтому подкрепить свои положения, которые приобретут полную убедительность только тогда, когда будет доказано, что у хазаро-болгарских племен была другая культура, чем у алан.

Раскопки в Саркеле, крепости, построенной хазарами и в X в. находившейся в хазарских владениях, доставили вещественные памятники, представляющие территориально-хронологический вариант той же Салтовской культуры, свидетельствующий, что население нижнего Дона и Салтово-Маяцкого района принадлежало к одной и той же культурно-этнической

¹ Н. А р и с т о в. О земле Половецкой. Киев, 1877, стр. 6, 10—12.

² У с л а р. Древние сказания о Кавказе, 1... стр. 327.— В. М и л л е р. Осетинские этюды, ч. III. Москва, 1887, стр. 105.

среде. Трудно верится, что гарнизон и первоначальное население Саркела, так же как и целого ряда одновременных с ним поселений на нижнем Дону, состояли из алан, тем более, что именно алан Константин Багрянородный указывает в качестве возможных врагов Саркела, причем из текста совершенно ясно, что он имеет в виду кавказских алан, страна которых соседит с главными областями Хазарии, с теми девятью Климатами, откуда, по его словам, «идут все средства к жизни и все довольство Хазарии»¹ и важнейшие из которых, несомненно, находились в восточной части Северного Кавказа — в древней Хазарии.

Нельзя не отметить, что ни при одном из донских поселений хазарской эпохи до сих пор не найдено современных с ними могильников; это следует объяснить тем, что связанные с ними погребения принадлежат к тому же типу, какой известен по Верхнему Салтову и какой отличается отсутствием наружных признаков в виде курганной насыпи. Так же, думается, надо объяснить отсутствие курганов хазарской эпохи в центральных областях Хазарии, да и во всей южной половине нашей страны. По всей этой территории в рассматриваемую эпоху господствовал бескурганный обряд погребения, вследствие чего обнаружение могильников большей частью является делом случая, тем более, что специальных разысканий их вовсе не производилось.

Итак, аланская принадлежность Салтовской культуры отнюдь не бесспорна. Однако наибольшее значение, с нашей точки зрения, представляет не вопрос об этнической принадлежности салтовско-маяцких и нижнедонских могильников и поселений, а самый факт появления в степях, а в особенности на границе степи, оседлых поселений.

В течение двух тысячелетий — одного до нашей эры и другого после — степи находились в безраздельном владении кочевников. За это время спорадически и на ограниченных территориях возникали постоянные и даже земледельческие поселения, но не ими определялся общий характер хозяйства в степях. Так, еще в скифскую эпоху, главным образом в низовьях рек, там, куда стягивались стада кочевников на зимние пастбища, возникли постоянные поселения, заключавшие в себе дома кочевой знати, в которых и летом оставались жить слуги и домочадцы их владельцев и где хранились различные запасы. Здесь же обосновывались ремесленники, снабжавшие кочевников изделиями своего производства. При благоприятных условиях в этих поселениях возникали значительные купеческие фактории, через которые происходил обмен между античным миром и варварами. Таким зимовником, превратившимся в город, был древний Танаис в дельте Дона, тот же характер имело древнее поселение у станицы Елизаветинской на Кубани — вероятно сарматский город Гаргаза.

В конце I тысячелетия до н. э. и в первые столетия н. э. в районах этого рода городов возникает значительное количество поселков чисто земледельческого характера, свидетельствующих об оседании части кочевников. Для характеристики этих поселений нелишне отметить наличие во многих из них особо выделенного небольшого укрепления, самым фактом своего появления свидетельствующего о резком социальном делении внутри их населения. Об углублении социально-экономических противоположностей в эту эпоху сигнализирует и другой археологический материал, в частности погребения. Мы не будем останавливаться на анализе этих противоположностей, так как связанная с ними оседлость была эпизодическим явлением, к тому же ограниченным в своем распространении. К IV в. большая часть этого рода поселений прекращает свое существование, повидимому, в связи

¹ Известия византийских писателей о северном Причерноморье. ИГАИМК, вып. 91, стр. 10.

с гуннским нашествием и разгромом тех социальных образований, какие к этому времени сложились в Причерноморье.

Однако прерванный таким образом процесс оседания кочевников скоро возобновился и охватил не только освоенные античным земледелием ограниченные районы Причерноморья, но и новые обширные территории степей. Оседлые земледельческие поселения прежде всего появляются по южной границе степи, в частности в Предкавказье, по Кубани. К настоящему времени в этом районе известен ряд поселений, относящихся к раннему средневековью, и хотя ни одно из них еще надлежащим образом не исследовано, можно не сомневаться ни в их земледельческом характере, ни в этнической связи их с исконным населением степей.

О характере культуры этих поселений до некоторой степени можно судить по случайным находкам на месте Пашковского могильника (№ 1) близ Краснодара,¹ представляющего в составе своего инвентаря ряд аналогий как с комплексами и отдельными находками горного Северного Кавказа, так и Черноморского побережья и Крыма. Это культура широко распространенная, непосредственно предшествующая и генетически связанная с так называемыми аланскими могильниками Северного Кавказа.

В эпоху, к которой относится распространение культуры, свойственной этим последним могильникам, т. е. около VIII в., оседлые поселения возникают и на противоположной стороне степи, по ее северной границе. Салтовская культура с ее могильниками и городищами как раз и является наиболее выразительным памятником этого процесса, характерного для времени и места образования Хазарского государства. Существенно отметить, что в западной части степей, точно так же как и на востоке, за Волгой, следов аналогичного явления пока что не наблюдается.² Эти части степей и в хазарскую эпоху остаются во власти чистых кочевников: с одной стороны, венгров и печенегов, а с другой — узов-половцев.

Не следует ли в связи с изложенным и самое возникновение Хазарского государства, как более развитой и сложной социальной организации по сравнению с союзами племен его кочевых соседей, связывать с отмеченным выше процессом, означающим, без сомнения, не только перемены в хозяйстве у населения юго-восточных степей, но и серьезные изменения в его социально-экономической организации? На основании тех скудных данных, какие имеются в нашем распоряжении по этому вопросу, было бы преждевременно пытаться дать на него исчерпывающий ответ, сводящийся к характеристике этих новых социально-экономических порядков. Однако в виде предварительного и общего замечания едва ли не следует обозначить их полуфеодальными или даже феодальными отношениями.

Поселения по нижнему Дону в общем возникают позже, чем сходные с ними городища Салтовско-маяцкой культуры. Но зато они, видимо, и заканчивают несколько позже свое непродолжительное существование. Очень важно уяснить, что было причиной гибели тех и других, если появление всех их можно отнести за счет одного и того же процесса.

Судя по всему, Хазарское царство погибло, будучи не в состоянии отразить сокрушительный удар молодого и агрессивного Русского государства и удержать захлестывающий поток напавших с востока кочевников-тюрок. Но слабость и неспособность Хазарского царства справиться с внешними силами едва ли следует объяснять только могуществом его врагов. Причины этой слабости нужно искать в нем самом, в тех внутренних противоречиях, какие еще в самом конце IX в. выразились в междоусоб-

¹ М. В. Покровский и. Пашковский могильник № 1. Сов. археол., № 1, 1936, стр. 159 сл.

² Возможно, что с этим процессом следует связывать проникновение болгар в Прикамье и возникновение сначала подвластного хазарам, а затем независимого Болгарского царства на Волге.

ной войне и последовавшем затем переселении одного из хазаро-болгарских племен — кабаров — на запад к венграм. Это была та внутренняя борьба, которая сопутствует феодализирующим процессам и переходу от варварской, «готической», по выражению К. Маркса, империи к феодальной раздробленности и которая, ослабляя варварское государство изнутри, делает его легкой добычей соседей.

Салтовско-маяцкие поселения прекратили свое существование, по видимому, в X в. и, конечно, не в результате взрыва изнутри, а под воздействием внешней силы, отразить которую Хазарское государство было уже не в состоянии. Эти поселения исчезли потому, что население их сохранило живые связи с степными кочевниками, потому, что по своему хозяйству они еще в большей мере были скотоводческими, чем земледельческими и, наконец, потому, что в быту их еще жили кочевнические традиции. Их население под натиском врагов легче, чем коренные земледельцы, могло сняться в поисках новых мест для поселения или даже вернуться к чисто скотоводческому хозяйству и связанному с ним кочевому образу жизни.

Поселения на нижнем Дону просуществовали дольше, причем некоторые из них пережили даже исчезновение самого Хазарского царства. Пережил его и Саркел.

Однако позднейшая история этих поселений связывается с новой для них культурой, с новым этническим составом населения и с новыми политическими образованиями и может составить особую тему, относящуюся уже к истории не Хазарии, а Русского феодального государства.

M. ARTAMONOV

SARCEL ET QUELQUES AUTRES BOURGS FORTIFIÉS DE LA CHAZARIE DU NORD-OUEST

RÉSUMÉ

Les ruines de Sarkel, l'unique ville des Chazars qui nous soit connue non seulement de nom, mais aussi par sa situation, présentent un intérêt exceptionnel. Elles se trouvent sur la rive gauche du Don, non loin de la stanitsa Tsimlianskaïa.

L'Académie d'histoire de la culture matérielle menait pendant trois ans (1934—1936) des fouilles systématiques du bourg fortifié de Sarkel.

Sarkel est situé sur un large cap formé par un replis de la rivière. Ce cap est séparé du reste de la rive par le fossé et les remparts. Les ruines des constructions et les traces de la vie passée sont concentrées sur l'extrémité du cap.

Cette partie du bourg est ceinte par des murs de défense en briques.

Les fouilles des dernières années ont précisé le plan et la dimension de la forteresse de Sarkel; le plan de Sarkel avait la figure d'un rectangle 180 m en long et 125 m en large. Dans les angles de la forteresse il y avait de grandes tours carrées (7.90 × 7.90 m). Il est à supposer qu'il y en avait encore le long des murs.

Les murs de défense, ainsi que les autres bâtiments en briques, étaient construits sans bases sur la terre franche aplanie. Ils étaient bâtis principalement en briques carrées (0.24 × 0.24 m). Sur les briques se trouvent parfois des empreintes marquées par les travailleurs indigènes du pays; figures géométriques, schématiques représentant des hommes et des animaux, et signes symboliques.

La porte de la forteresse n'est pas encore trouvée, mais on peut supposer qu'elle était située du côté occidental.

Au fond de la forteresse se trouvaient des bâtiments en briques dont la situation et les dimensions sont à établir par les fosses dont on tirait les briques pour de nouvelles constructions.

Les murs et les bâtiments intérieurs en briques ont été construits en même temps, ce qui représente le Sarkel primitif, construit en 834, comme un avant-poste de défense contre les nomades, — les Petchénègues, apparus des steppes de l'Est de la Volga. Le fort de Sarkel était un appui principal sur la route qui liait la Chazarie avec ses domaines à l'ouest. La domination des Chazars parmi les peuples incommodants des terres occidentales longeant la Mer Noire était dans les intérêts de Byzance qui prit part à la construction du fort de Sarkel.

Le peu d'objets datant du IXe siècle parmi le grand nombre des autres trouvailles et l'existence de grands terrains vagues entre les bâtiments en briques démontrent que les fortifications ainsi que les autres constructions ont été situées sur un plateau vide, inhabité dans le passé et que la population de l'ancien Sarkel était peu nombreuse.

Il est évident qu'au commencement Sarkel était un fort ne contenant que des bâtiments pour la garnison et des entrepôts. Le bourg fortifié de Sarkel ne garda pas longtemps sa destination primitive.

Vers le Xe siècle les murs de défense étaient déjà ruinés et à leurs côtés apparurent de nombreux bâtiments de bois et d'argile, construits partiellement des briques prises dans les ruines des constructions plus anciennes.

La quantité des fosses de grain et les nombreuses trouvailles des meules, des faucilles, des restes des grains témoignent que l'agriculture était l'occupation principale des habitants de Sarkel. Outre l'agriculture, la population de Sarkel s'occupait aussi d'élevage de bétail, de la pêche, de la chasse. Les restes de produits d'artisans, tels que vaisselle d'argile, ornements métalliques, objets d'os et de pierre démontrent que Sarkel était au Xe siècle un centre de production d'artisans — une ville du moyen âge.

Dans les environs de Sarkel et plus loin en descendant le Don et le Donetz se trouvent des villages de la même époque, appartenant évidemment aux habitants qui s'occupaient de l'agriculture et de l'élevage de bétail. Le fait de l'apparition de pareils éléments de population dans les steppes est d'une grande signification historique. La plupart des villages sur les rives du Bas-Don n'ont pas de fortifications, excepté le bourg fortifié près du village Sredny.

L'apparition de bourgs non fortifiés ainsi que la transformation du fort de Sarkel en ville paisible prouve qu'au Xe siècle la limite des domaines chazars passait loin de Sarkel.

Tout autre est le caractère d'un petit bourg fortifié établi sur la rive droite du Don, 7 km en aval de la stanitsa Tsimlianskaïa. C'est une petite forteresse de forme triangulaire qui se trouve sur une élévation de la rive haute du Don. De profonds ravins à versants escarpés et le versant encore plus abrupt de la rive font cette place tout-à-fait inaccessible. Des murs massifs en pierre calcaire locale entourent la place du bourg fortifié. Des fortifications semblables à ce bourg pour le caractère général et pour les détails sont connues dans les lieux entre le Haut-Don et le Donetz.

Ce sont les bourgs avoisinant les villages Maiatskoïe, Verchny Saltovo, Verchny Olchane.

Le plus connu d'entre eux est le premier, situé près de l'embouchure de la rivière Tichaïa Sosna dans le Don.

Près de cette fortification était situé un village et non loin étaient découvertes des sépultures de catacombes.

Ces trois bourgs sont de la même époque et de la même culture du type de Saltovo-Maiatsky.

Les bourgs par eux-mêmes représentent des châteaux de féodaux riches et enferment les habitations des seigneurs ainsi que celles des valets et de la garde. Les propriétaires des châteaux dominaient la population environnante.

Il n'y a pas de doute que la population du Bas-Don et de la région Saltovo-Maiatskaia appartenait au même milieu culturel et ethnique.

Ce sont des peuples bulgares-chazars, qui représentent la transformation de la population aborigène des steppes Sud-Est, connue sous le nom de sarmates. Le peuple porteur de la culture Maiatskaia garda son nom ancien acii ou yaci.

L'apparition des villages fixés dans la zone des steppes d'abord dans la méridionale et septentrionale est liée au développement social et économique des aborigènes, à l'apparition de relations demi-féodales et féodales.

La formation de l'état chazar est à ce qu'il paraît de la même provenance.

La ruine de cet état amena la disparition dans les steppes de la population agricole fixée.

Sarkel survécut à la chute de l'état chazar, mais son histoire postérieure se rapporte à une culture et une population nouvelles.
